

София Беккер
Sofia Bekker

О МОЕЙ СЕМЬЕ
*
ABOUT MY FAMILY

София Беккер
Sofia Bekker

О МОЕЙ СЕМЬЕ
*
ABOUT MY FAMILY

New York, 2004

Sofia Bekker
ABOUT MY FAMILY

София Беккер
О МОЕЙ СЕМЬЕ

Book lay-out and computer design
by Frida Chesakova

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЛОВО/WORD

SLOVO/WORD

Publishing House

139 East 33rd Street #9M
New York, NY 10016, U.S.A.

Tel.: (212) 684-2356

Fax/Tel.: (212) 686-0199

E-Mail: slovo.word@verizon.net

Sofia Bekker and family

**60 Wedding Anniversary.
Sofa and Mark
with children and grandchildren.
1997, New York.**

Inna Bakker

Книгу подготовила к печати дочь автора – доктор Инна Беккер. Эта работа заняла несколько лет; её вдохновлял пример её родителей, стремившихся всегда каждую работу выполнить наилучшим образом.

This book was compiled by the author's daughter Dr. Inna Bakker. It took her a few years to accomplish this job; the example of her parents who had always completed every job in the best possible way, inspired and helped her.

Я посвящаю издание этой книги памяти моих дорогих родителей – Софе и Марку Беккер, большой замечательной семье Беккер, которую я очень люблю, моим тетям, дядям, кузинам, племянникам, племянницам и будущим поколениям.

Я глубоко благодарна моему сыну Илюше Грозовскому, моему брату доктору Жозефу Беккеру, моему племяннику Павлу Беккеру, моим кузинам Джойс Рифкинд и Олегу Вишневетскому и моим друзьям Рону Реггев и Тане Амелиной за помощь, любовь и поддержку.

Инна Беккер

I dedicate the publishing of this book to the fond memory of my beloved parents, Sofia and Mark Bekker; to all Bekker family whom I love dearly; to my aunts, uncles, cousins, nephews, nieces as well as to future generations.

My gratitude goes to my son Ilya Grozovsky, my brother Dr. Joseph Backer, my nephew Paul Backer, my cousins Joyce Rifkind, Oleg Vishnevetski and to my friends Ron Reggev and Tanya Amelina for their help, love and support.

Inna Bakker

Автор этой книги София Беккер

– наша мама, мамочка, мамуля – 7.7.1913 – 6.28.1998 – очень любила своих друзей и свою семью, которая включала большую и замечательную семью ее любимого мужа – нашего папы Марка Беккера, 8.25.1908 – 1.28.2002.

Мама писала мемуары, отдыхая летом в горах – Camps for Senior Citizens. Она занималась этим 11 лет с 1982 по 1993 гг., всегда рассказывала об этом с энтузиазмом, испытывая большую радость за то, что следующие поколения узнают и будут помнить людей, с которыми она прошла жизнь и которых очень любила и уважала.

Наша мама была незаурядным, многогранным, образованным, глубоко порядочным человеком, леди в своих манерах и поведении и в отношении к людям. Она создала уникальные любящие отношения с мужем, длившиеся 61 год до момента смерти.

Мы родились в редкой семье, умной, доброй, стабильной, порядочной, интересной, образованной и любящей. Мы очень-очень многим обязаны нашим замечательным родителям.

Наша мама прожила 85 лет - долгую и счастливую жизнь, несмотря на все трудности: она любила и была любима. Она ушла из жизни в одно мгновение, плавая в озере, что очень любила, без мук; главный человек в ее жизни – муж был рядом.

Да будет ее память благословенна.

Дочь Инна и сын Жозеф

Я, София Беккер, родившаяся 7 июля 1913 г. в г. Одессе, начинаю своё повествование о моей родословной, моей жизни и событиях, происшедших в ней. Это будет мой голос потомкам, мой голос в будущее о прошедшем, давно минувшем. Я буду описывать события, известные мне по рассказам предков, родных, и те, которые помню сама.

Буду писать обо всем правдиво – всё, как было, без прикрас и без лжи. Это будет как бы мой дневник. Делаю я это по настоятельной просьбе моего сына, Жозефа Беккера, 1945 г. рождения, который очень интересуется нашей родословной и любит слушать мои рассказы обо всех родных.

Итак, начну с рассказа о моих бабушке и дедушке по материнской линии, которых помню очень хорошо, хотя сама уже бабушка. Это значит, что мои внуки будут знать о своих прапрадедах.

*Из рассказов моей матери Гани Айзиковны Розенфельд (или в переводе на русский язык – Анны Исааковны, как все её звали), родившейся в 1893 г. в Одессе от второго брака родителей - Айзика и Вели Гуревич, мне известно о моих близких. На основании этих рассказов я начинаю – **27 марта 1982 г. – своё повествование о них.***

МОИ ДЕДУШКА И БАБУШКА

Мама рассказывала, что дедушка был женат дважды. В первом браке у него было 10 детей, но жена его очень рано умерла, а дети умирали друг за другом. Моя мама помнила только одного сына взрослым – своего сводного брата, который, по-видимому, тоже умер.

Первой жене дедушки, имени которой я не знаю, было 13 лет, когда она вышла замуж. Её родная сестра Веля вышла замуж примерно в таком же возрасте, но её мужа забрали в Николаевские солдаты на 25 лет (в кантонисты). По еврейскому закону, в таких случаях супругов разводили, и женщине разрешалось выйти замуж вторично. Вот таким образом моя бабушка Веля вышла вторично замуж за моего дедушку Айзика, мужа покойной сестры. Это по еврейским законам даже поощрялось. В каком они были возрасте, мне неизвестно. Мой дедушка никогда не отвечал никому, в том числе и своим детям, на вопросы о возрасте. Он умер 14.04.1919, и его старшая дочь потом говорила, что ему было за 80 лет. Значит, он родился примерно между 1830-1840 гг. Я его помню высоким, статным, седым стариком с довольно крутым и замкнутым характером, и очень религиозным. В браке с бабушкой Велей у них родилось 10 детей. И так же, как в первом браке, дети умирали. Я помню пять дочерей и двух сыновей.

Будучи фанатично религиозным, он ходил дважды в день в синагогу, а остальное время молился дома, клал тфилин, которые я, будучи ребёнком, называла «каблочки». Он тогда уже не работал, жил на содержании детей и молился целые дни.

Он просил у Бога только одного, чтобы при его жизни его дети больше не умирали. Так и говорил с Богом, что не нужно ему ни денег, ни заработков, ничего другого. И, действительно, дети перестали умирать. Возможно, Бог внял его молитвам.

После Октябрьской революции 1917 г. власть переходила в Одессе из рук в руки: гайдамаков, петлюровцев, «Украинской Рады», красногвардейцев и т.д. При смене властей страдал народ, переносивший погромы, расстрелы и убийства. В 1919 г. установилась Советская власть в Одессе, и сразу же не стало продуктов, даже хлеба.

Пришла весна, а с ней и еврейская пасха. Моего дедушку с бабушкой дети обеспечили мацой и всем необходимым к пасхальному седеру (первый вечер Пасхи). Дедушка, как обычно, пошёл в синагогу, а возвращаясь обратно, увидел, что люди, в том числе и евреи, стояли в очереди к дворнику, который разда-

вал хлеб. Это на пасху-то – хлеб! Для него, глубоко религиозного человека, это было смерти подобно, и он это пережил как большую трагедию. С некоторыми евреями он поделился мацей. Но всё равно, это была капля в море, и он переживал это очень болезненно.

В первый вечер Пасхи, на первый седер у дедушки собрались все его семеро детей с мужьями, женами и детьми – его внуками. Мне было около 6 лет, и я очень хорошо помню длинный стол в столовой, дедушка во главе стола с «сидуром» (молитвенником), а вокруг вся семья. Это было очень красиво и торжественно. Он молился и пел пасхальные песни так проникновенно и долго, до поздней ночи, что все уже стали уставать, и тогда моя мама, она была самая смелая и бойкая, сказала ему: «Папа, может быть, хватит на сегодня молиться, уже очень поздно». На что он ответил: «Ой, доченька, не знаю, доживу ли я до вторых дней Пасхи и смогу ли я опять молиться». И действительно, на вторые дни Пасхи, когда вся семья вновь собралась на седер, под конец дедушка вдруг почувствовал себя плохо. Его дети под руки отвели в спальню, положили на кровать, он вытянулся и умер. Это было 14 апреля 1919 г. Умер он, как праведник, без мук и страданий. Вся его семья окружала его. Как я теперь понимаю, это был инфаркт, или, как тогда называли, разрыв сердца. Мама говорила, что он был очень здоровый, никогда не болел и никогда не ходил к врачам. Но он, по-видимому, принял очень близко к сердцу нарушение основной пасхальной традиции евреев – кушать не хлеб, а мацу в Пасху. Помню, как приехали на другой день черные дроги с наряженными черными лошадьми, и черный гроб с дедушкой, поставленный на дроги, под плач и причитания родных и многочисленных соседей выехал со двора, а я пошла обратно в квартиру.

Приехав с кладбища, все его дети сидели на полу «шиву», а мы, его внуки, вертелись в этой же комнате около них. Приходили знакомые, родственники и выражали свои соболезнования. Дедушка был очень уважаемым человеком и очень порядочным. Богатым он никогда не был. Но богатые люди, боясь обысков советских властей, передали ему на сохранение деньги и драгоценности, и когда ему стало плохо, он успел ещё сказать моей маме, что у него под подушками лежат мешочки с чужим добром, и кому это нужно отдать, что и было, конечно, сделано. Я не знаю, кем он был в молодости, кем работал. Я только всегда слышала, что он был очень образованным талмудистом, хорошо знал исто-

рию евреев всех времен, и синагога считала его «цадиком» – святым человеком, никогда не нарушающим еврейских законов и проповедующим слово Божие. К нему приходили за советом и приглашали как третейского судью пожилые и умные люди.

Вот таким был мой дедушка.

*

О бабушке моей Веле я знаю, что в первый раз она вышла замуж, когда ей было 13 лет. Тогда, в те далёкие времена, это считалось нормальным. Сколько ей было лет, когда она вышла замуж вторично за моего дедушку, я не знаю. Я помню её старенькой, небольшого роста, всегда в длинном платье, парике или косынке, малоразговорчивой, очень мягкой и доброй, и, по-видимому, очень красивой в молодости. Все её дочери, кроме предпоследней, Кати, были похожи на неё – тоже красивые. Но когда я видела своих теток в старости, то в каждой из них, в том числе и в моей маме, видела бабушку. Так велико было сходство.

Но я помню свою бабушку парализованной. А как это случилось с ней, я тоже слышала от своей мамы. До революции, мой дядя Павел, или как его называли в семье, Файвел («каштан») был владельцем магазина готовой одежды на Базарной площади в Одессе. Он ещё не был женат и как-то поздно вечером возвращался от друзей домой через Базарную площадь. В это время полицейский ловил там вора, и в темноте взмахнув шашкой, нечаянно ударил ею дядю по голове. Он хорошо его знал и тут же, посадив на извозчика, отвёз в больницу на перевязку. К счастью, оказалось, ничего серьёзного, и этот же полицейский отвёз его домой к дедушке и бабушке. Они в это время сидели за маленьким столиком и играли в домино. Это был их излюбленный вид отдыха и развлечения. Когда полицейский ввёл дядю в комнату, он встал на колени перед бабушкой и дедушкой и попросил прощения за этот нечаянный поступок-инцидент. Но бабушка очень испугалась, увидев повязку на голове дяди, да ещё и с просочившимися пятнами крови, и она, как сидела, облокотившись правой рукой на столик, так и осталась с согнутой рукой и ногой парализованной. Как я теперь понимаю, это был инсульт.

Девять лет она прожила в таком состоянии, и здоровье ее всё время ухудшалось. Когда дедушка почувствовал себя плохо, бабушку тут же отвели в соседнюю квартиру к дяде Ефиму, чтобы она не расстраивалась, поскольку была больным человеком. Она не видела дедушкиной смерти, похорон, и только после то-

го как отсидели «шиву», её привели обратно домой. А про дедушку ей сказали, что он болен и находится в больнице. Но она чувствовала что-то неладное, и каждый раз возвращалась к этому разговору и получала тот же ответ. Однажды, когда я осталась с ней вдвоём в комнате и играла у её ног на ковре, она опять затеяла разговор о дедушке. Видимо, что-то казалось ей подозрительным в разговорах и недомолвках детей, а я, маленькая девочка, очень любившая её, вдруг сказала ей:

– Бабушка, они все тебе говорят не так, как было. Дедушку положили в чёрный ящик, потом приехали чёрные лошади, поставили гроб-ящик и увезли дедушку!

Ну, само собой разумеется, ей всё стало понятно, понятнее, чем мне. Она заплакала, и с того дня болезнь стала прогрессировать. Ей становилось всё хуже и хуже: она перестала вставать, у нее отнялась речь, все чаще мочилась под себя, и месяцев через восемь тоже умерла.

**Sofa's Bekker grandparents – Veli and Isaak Gurevich –
her mother Anna's parents. 1905, Odessa, Russia.**

**Sofa's Rozenfeld – Bekker grandparents –
her father Markus Rozenfeld's parents. 1905, Odessa, Russia.**

МОЯ МАМА

Она была следующей из сестер после тётки Сони, дядя Пава, по-моему, родился между ними. Звали её в семье Анютой. По-еврейски она была Эня, в честь бабушки, а по-русски – Анной Исааковной. По документам она родилась в 1883 году 9 марта в Одессе, но всегда рассказывала, что когда царские власти хотели взять в солдаты кого-то из братьев, отец всем прибавил годы и изменил метрики, сделав всех на пять лет старше, чтобы брата не взяли в солдаты, так как в семье много детей.

Мама была красивая, умная, волевая, с сильным характером женщина. Была весёлая и общительная. Но, как она считала, в жизни ей не повезло. Родилась в семье пожилых родителей, которые уже, по-видимому, не работали. Учиться не имела материальной возможности. Учились только двое старших детей. Мне кажется, что она вообще и в школу не ходила, сама научилась писать и читать. В общем-то, была способным человеком и всегда сожалела, что не пришлось учиться.

Но теперь, когда я размышляю о её жизни, то думаю, что к приходу Советской власти маме было всего 24 года, а в этом возрасте можно было начать учиться хоть с первого класса и закончить институт. Она, правда, одно время пошла учиться на курсы ликбеза (ликвидация безграмотности). Но не преуспела, потому что стеснялась, да и не очень легко ей давалась учеба.

Мама начала работать уже в 13 лет – её отдали в пошивочную мастерскую на обучение шитью. По-видимому, это было в 1906 г. Она всегда рассказывала об этом периоде с горечью и злостью. Это было в Одессе. У хозяина работало много девушек. Работали с раннего утра и до позднего вечера. И хотя в мастерской висели часы, хозяин их переводил назад, чтобы девушки работали подольше. Но чтобы в мастерской повесили часы, работницам пришлось добиваться с помощью забастовки. И как обычно в те времена, сначала их заставляли нянчить хозяйских детей, делать всё по хозяйству, а потом, когда они начинали шуметь, их обучали шитью. Так моя мама научилась шить и стала портнихой. Шить умела всё: и бельё, и платья, а в детстве, помню, шила мне и пальто, и шляпки.

О своём детстве до этого периода она как-то никогда не рассказывала. Теперь я, конечно, очень жалею, что не расспрашивала её подробнее о детстве и молодости. Знаю только, что отец её называл «полицмейстер», так как она была очень «бедовая». В их семье никто не имел права возражать отцу, а мама набиралась

храбрости и иногда возражала ему. Например, он был очень религиозный, и так как в субботу евреям нельзя зажигать огонь, то он однажды заставил вылить еду, узнав, что мама потихоньку зажгла огонь, чтобы подогреть её. А она ему сказала: «Ну что особенного, я быстро зажгу и убегу в сторону». Или будучи уже девушкой, она могла спрятаться, чтобы отец её не видел, и дошить себе платье, в котором ей хотелось пойти в субботу. Даже удивительно, что, родившись в такой религиозной семье, она была совершенной атеисткой до конца своей жизни. Мама всегда с юмором рассказывала о своих поклонниках. Например, один, будучи приглашен на вечеринку, сказал ей: «Мне неудобно прийти, ведь это в первый раз я должен быть в этом доме». На что мама ему ответила: «Ну, как же вы будете второй раз, не побывав в первый». А другой сделал ей предложение и нравился ей, но как-то она услышала, как мать его спросила: «А сколько тебе дадут приданого?». Мама ему отказала, так как это её очень оскорбило, хотя в те годы было принято, чтобы за девушкой давали приданое. Но её родители были несостоятельные люди и имели пятерых дочерей, они не могли дать ни одной дочери приданое, а замуж вышли все. Один из маминых поклонников хотел на ней жениться и уехать с ней в Америку. Мама была согласна, но когда этот молодой человек пришел к маминому отцу просить её руки, как тогда было принято, то отец ему ответил: «Я своих дочерей на тот свет не отпускаю». Для него Америка была равносильна смерти дочери. Мама рассказывала, что он, уехав, всё же прислал ей вызов, или как она говорила «гринкарту». Но она не решилась уехать против воли отца. В противном случае родилась бы я в Америке, но как сложилась бы моя жизнь, трудно предположить. В 1912 г. мама вышла замуж за Абрама Елина. Как и где она с ним познакомилась, она никогда не рассказывала, к сожалению, а я никогда не спрашивала.

Они сняли квартиру на Пересыпи в Одессе на первом этаже и тут же открыли скобяной магазин, оборудовав с задней стороны себе квартиру. Через год в 1913 г. родилась я. О семье Елиных я знаю, что у бабушки было три сына и две дочери. А дедушки уже не было в живых, когда я родилась.

Мама была, как я уже писала, очень красивая, умная и живая. Обставила очень красивую квартиру, помогала отцу работать в магазине и вела хозяйство. Обо мне мама рассказывала, что я была очень спокойным, тихим ребёнком, любила покушать и поспать, и даже был такой случай, что я передвигалась на дет-

ских ходульках по квартире, а там была лестница в подвальное помещение. Я вместе с этими ходулями свалилась вниз и, не заплавав, уснула там, в подвале, где мама меня впоследствии нашла. Ещё я знаю, что была у нас большая собака в то время, и я каталась на ней верхом.

Были у мамы рядом хорошие соседки, постарше, чем она. Они её учили готовить и вести хозяйство рационально. Когда мне уже было около года, мама стала замечать, что отец часто отлучается вечерами из дома. И вот однажды зашла к ней соседка, и в разговоре о том, где её муж, сказала: «Хотите, я вам покажу, где ваш муж, возьмите только с собой фонарь». И она привела маму к сараю во дворе. Когда мама открыла туда дверь и осветила, то увидела, что отец лежит на соломе с одной русской женщиной. Это её так оскорбило, что она, придя домой, стала срывать занавесы, портьеры, собирать вещи. Наняла извозчика, взяла меня на руки, погрузила вещи и уехала к своим родителям. И сколько отец потом ни просил её вернуться, извинялся, клялся, что это больше не повторится, она не поддавалась никаким уговорам. А его мать ей говорила: «Подумаешь, мой муж приводил любовницу и ложился с ней в одну кровать, а я лежала на другой, и ничего, пережила». Но мама была очень гордая и обидчивая, и поэтому, наверное, не могла ему простить свою обиду. Это был уже 1914 год. Началась первая мировая война. Отец получил повестку о призыве в армию, но идти на фронт ему, конечно, не хотелось. Он стал просить маму, чтобы она пошла к градоначальнику или полицмейстеру и уговорила их за соответствующую мзду освободить его от воинской повинности. В этой ситуации она пожалела его и всё же пошла. Не знаю уж, договорилась ли она об его освобождении из армии, или он просто скрывался, но вскоре он заболел тифом, который тогда свирепствовал, и умер. Я с мамой продолжала жить у бабушки с дедушкой.

Отца я совершенно не помню. Как сквозь сон, припоминаю такой эпизод: гремят выстрелы, летят осколки разбитых стекол, а отец (я предполагаю, что это был он) несёт меня на одной руке, а Люсю, дочь маминого брата дяди Ефима, – на другой руке. То ли это было во время войны, то ли погром, но он нас переносил в более безопасное место. Мне кажется, что он был небольшого роста и с усиками. Теперь мне жаль, что я никогда не интересовалась получить его фотографию, а могла бы достать у его родственников.

Мама была очень гордая и так никогда и не простила отца,

и без всякого сожаления отнеслась к его смерти. Итак, мы с мамой стали жить в доме дедушки и бабушки. Мама работала, но где и кем, не знаю. А я находилась под присмотром маминой сестры, тётки Кати, которая в то время ещё не была замужем. Она очень меня любила и готова была, как говорится, «выцарапать глаза» тому, кто меня обидит. Меня же она очень баловала. Я повздорила с соседским мальчиком. Соседка, мать этого мальчика, меня ударила, так тётя Катя вышла в мою защиту и полезла чуть ли не в драку с этой соседкой, за что моя мама, придя с работы и узнав об этом, очень корила тётю Катю, считая это недостойным поступком. Вообще, надо сказать, что мама, не имея никакого образования, была по натуре душевным и интеллигентным человеком. Было в ней какое-то внутреннее благородство, которое она старалась привить нам, детям. Я это чувствую до сих пор в себе, и то же самое было у моей сестры. О нас нельзя было сказать, что мы из простой семьи, от родителей, не имеющих никакого образования. Мама всегда говорила, что «главное – это не образование, а воспитание». И я с ней в этом согласна. После смерти дедушки и бабушки у них в доме появился квартирант, молодой человек года на три старше мамы. Он приехал из местечка под названием Березовка, по-моему, Одесской области, чтобы устроиться в Одессе на работу. Звали его Маркус Розенфельд, а по-еврейски Мотл. Видимо, мама ему очень понравилась, несмотря на то, что у нее был ребёнок, а в доме ещё была девушка, тетя Катя, которая не была замужем. Он был очень тихим, малоразговорчивым, скромным, провинциальным молодым человеком. Привязался ко мне и очень хорошо относился, что было немало важно для мамы. Как-то летом мама отправила меня в санаторий за город. И в один прекрасный день Маркус приехал туда навестить меня и, конечно, привёз гостинцы. Этот поступок очень покорила маму, и она дала ему согласие на брак. Он ей обещал, что будет ко мне относиться, как к родной дочери, никогда не тронет меня даже пальцем, никогда не повысит на меня голоса. Надо сказать, что до конца своей жизни он это обещание выполнял. Но, вообще-то, он и мама были совершенно разные по натуре люди. Он был намного проще мамы, образования, конечно, тоже не имел. И всю жизнь в нём чувствовалась его «местечковость», что маму очень изводило и огорчало. Но в молодые годы он очень любил маму, был нежен, ласков и всегда называл её «Уточка» – это от Анюты, Анюточки. Какая была у них свадьба и была ли вообще, я не знаю. Я только помню, что в этот день мама отвезла меня к

другой бабушке – Елиной. Вначале я называла Маркуса просто по имени, даже не дядей. Но так как он очень хорошо ко мне относился и был очень ласков со мной, то я вскоре, без чьего бы то ни было напоминания, стала называть его «папой». Мне тогда было лет 5. И теперь, в дальнейшем, я буду называть его «папа», потому что он все годы был для меня действительно отцом, хотя никакого влияния на мой рост и воспитание не оказал. В основном этим занималась мама. Но всё равно я очень рада, что я росла в семье, а не только с мамой, то, что в Союзе называют «мать-одиночка». Кроме того, мог быть у меня папа, который бы плохо обращался со мной, бил, кричал, раздражался от моих детских шалостей и капризов. Слава Богу, ничего этого я не испытала, за что очень благодарна судьбе и своему папе. Вскоре после замужества мамы мои родители сняли две комнаты в том же доме, где жили бабушка и дедушка, уже покойные, на Прохоровской 24, в квартире у бывшей хозяйки этого дома, мадам Розентуль. Судя по фамилии, она, наверное, была немкой. Еврейкой она не была. Устроившись в новой квартире, мама стала собираться в гости к родителям папы в Березовку, так как они очень хотели познакомиться с его женой. Они, видимо, были хорошие, порядочные люди, и к маме отнеслись очень хорошо, хотя причиной их неудовольствия могло быть то, что сын женился не на девушке, а на женщине с ребёнком. Но мама умышленно оставила меня дома с папой, чтобы проверить «обстановку». Папина семья, проживающая в Березовке, состояла из отца Маркуса, матери и младшего брата Яши. Отдельно жил старший брат Пиня со своей семьёй – женой и двумя детьми, сыном и дочерью, и младшая сестра Перл или тётя Поля, с мужем и тоже двумя детьми: дочкой и сыном.

После маминого визита они иногда приезжали в Одессу и останавливались у нас. А дядя Яша еще 18-летним юношей вообще уехал из дома в Одессу, чтобы устроиться там на работу. Первое время он жил у нас, а позже, устроившись и начав зарабатывать, он снял комнату в одной еврейской семье. Мама вначале очень хорошо относилась к папиным родным и всегда хорошо их принимала. Но в один из приездов произошёл неприятный разговор, который резко изменил мамино отношение к ним. Мы уже тогда жили на Еврейской улице, угол Преображенской – это в центре города, не на Молдаванке. Квартира на первом этаже из двух комнат с кухней. К приезду гостей мама наготовила, напекла, накрыла красивый стол. Бабушка села рядом с папой. Надо

сказать, что папа был высокого роста, довольно симпатичной внешности, и к тому времени, так же как и мама, очень располнел. Бабушка, сидя рядом с ним, всё подкладывала и подкладывала ему в тарелку всякие кушанья. А мама ей, шутя, и говорит: «Мамаша, что же это вы всё Маркусу подкладываете и подкладываете, смотрите, как он хорошо выглядит, как я его хорошо откормила, что же вы мне не подкладываете?» На что бабушка ей ответила по-еврейски: «Ой, Анюточка, он же мне сын, а ты мне чужая!» То ли это было сказано по простоте душевной, то ли она действительно так чувствовала, но мама, будучи очень гордой, обиделась на всю жизнь. Она сказала папе, что раз она ей чужая, то она её больше не хочет ни знать, ни видеть. И так это и было, мама никогда до конца жизни её больше не видела и, конечно, и писем не писала. Правда, тётя Поля, присутствующая при этом, сразу спохватилась и стала ей выговаривать: «Мама, что ты говоришь?». Но было уже поздно.

Теперь, когда я уже сама и тётца, и свекровь, я понимаю, что бабушка была не права, пусть ей земля будет пухом. Если мои дети живут хорошо с мужем или женой, они для меня самые родные и хорошие, и никакой разницы в отношении к ним я не делаю.

Sofa's mother Anna, father Markus and sister Valia.

1910, Odessa, Russia.

**On the resort on the Black Sea,
1938.**

1935, Leningrad

“Dacha”, near Riga, Latvia, 1957..

ДЯДЯ ЯША

Дядя Яша – самый младший брат отца, самый грамотный, разговорчивый, интересный человек. Я уже писала, что он приехал в Одессу лет в 18 и снял комнату в подвальной квартире, где жили три сестры, и все незамужние. Он стал ухаживать за младшей, Розой, и сблизился с ней. Вскоре после того как семья моих родителей переехала в Ленинград в 1924 году, туда приехал и дядя Яша, наверное, в 1926 году. Как только он устроился на работу, к нему приехала тётя Роза, и они поженились. Он говорил, что не звал её, что не любит её, но поскольку он человек всё же порядочный, и поскольку она уже приехала, началась их семейная жизнь.

В 1928 г. в больших мучениях тётя Роза родила сына Сеню, а в 1935 г. – дочку Бебу. Жизнь у них была нелёгкой, всегда были трудности с квартирой. Перед войной они начали строить дом в пригороде Ленинграда, по-моему, в Гатчине. Но с приходом немцев дом был разрушен. Дядя Яша работал на разных работах, но последние 18 лет вплоть до выхода на пенсию – начальником снабжения Ленинградского порта, должность в то время престижная и высокооплачиваемая. В самом начале войны, буквально в первые дни, дядя Яша добровольцем ушёл на фронт. Сначала служил в различных частях и должностях, но вскоре повстречался на военных дорогах с генералом Алексеевым и стал в его армии начальником АХО штаба дивизии (АХО – административно-хозяйственный отдел). Был в большом почёте, пользовался уважением сослуживцев и, конечно, будучи на такой должности, мог помочь и нашей семье, но об этом потом. Дружеские отношения они поддерживали до самой смерти генерала, который очень его любил, и после войны дядя Яша был вхож в его дом.

После войны дядя Яша вернулся на работу в Ленинградский порт, а семья вернулась из эвакуации. Тётя Роза, его жена, во время войны пережила много трудностей, как, впрочем, и все советские люди. К несчастью, у нее обнаружили опухоль, и летом 1952 г. в страшных мучениях она умерла. Моя мама, которая, вообще-то, не очень была дружна всю жизнь с дядей Яшей и его семьёй, в это тяжелое для них время проявила к ним много внимания и даже посоветовала дяде Яше поехать к нам на дачу на Рижское взморье и оставить у нас свою дочку Бебу, которой было тогда лет 17. Мы, конечно, очень хорошо их приняли. Мне было очень жалко девочку, так рано оставшуюся без матери, и я очень волновалась, сумеем ли мы создать в доме соответствующие ус-

ловия и настроение, которые бывают у людей после смерти близких. Но надо отметить, что Беба не плакала и не ныла, вела себя обычно и не придерживалась никакого траура: ходила в кино, слушала музыку. В 18 или 19 лет Беба, закончив техникум, вышла замуж за молодого человека – Яшу Крама, приехавшего в Ленинград учиться, кажется, из Белоруссии. Через год у них родилась дочка, которую назвали в память бабушки Розанной.

А дядя Яша вскоре после замужества Бебы женился на женщине своего же возраста – Циле Григорьевне, работавшей косметичкой в очень престижных салонах. Живут они уже лет 28 и вроде очень довольны друг другом. Надо сказать, что в первом браке дядя Яша не чувствовал себя счастливым, они с тётёй Розой были совсем разные люди. Циля Григорьевна – интеллигентная, развитая и светская женщина, о ней мне рассказывали, что она довольно поздно вышла замуж за вдовца с тремя детьми, самому младшему было три года. Она очень хорошо относилась к приемным детям, любила их и была любима ими взаимно. Все они называли её мамой, а это значит, что она хорошей души человек, потому что не всякая женщина может чувствовать себя, а главное вести себя как родная мать с приёмными детьми. Большое значение ещё, конечно, имеет то обстоятельство, что у Циля Григорьевны своих детей не было. Но я совершенно согласна с поговоркой, что не та мать, которая родила, а та, которая воспитала. Она воспитала приёмных детей. Младший – Яша – был способным к музыке, и она сделала из него музыканта. Он окончил Ленинградскую консерваторию, многие годы работал концертмейстером вторых скрипок в Ленинградской филармонии. Причём Циля Григорьевна в годы учёбы сына сама начала заниматься музыкой – научилась играть на пианино. Правда, первый муж ее был состоятельным человеком, не знаю, кем работал, но мог один содержать семью. Умер он, по-видимому, довольно рано. Одна из дочерей Циля Григорьевны во время третьей эмиграции уехала с семьёй в Америку, но, к несчастью, года два назад (в 1980) погибла здесь в автомобильной катастрофе. Мне кажется, что Циля Григорьевна об этом не знает. Говорили, что эта дочка была немного со странностями.

**Sofa's uncle Yasha (in center) – father's brother –
officer in the Soviet Army during the war,
1941 – 1945**

**Uncle Yasha with his son Semyon – officer of the Soviet Army.
Leningrad, Russia.**

**Uncle Yasha's daughter
Beba with Sofa and
Mark. Israel.**

**Uncle Yasha's granddaughter
Rosanna with her husband Sergey
and sons Jonathan and Aaron.
New York.**

**Mark's last photo with Beba, Rosanna and Inna.
New York, November 2001.**

БЕБА

Беба, прожив с мужем 12 лет, разошлась. О причинах она никому не объясняла. С первых дней замужества они мучились, как многие советские семьи, в коммунальных квартирах, в одной комнате. Работа, ребёнок, муж-студент не создавали особых условий для положительных эмоций от семейной жизни. Постепенно все же они улучшали бытовые условия. Яша, Бебин муж, уже окончил учёбу, но, по-видимому, накопившее недовольство за все годы или что-либо другое сделали своё дело, и они разошлись, когда Розанне было 11 лет. Беба в процессе обменов получила однокомнатную отдельную квартиру для себя с дочкой и была счастлива этим событием. Как мало нужно советским людям для счастья! Она работала, воспитывала дочь, а в 18 лет Розанна тоже вышла замуж за русского молодого человека, художника. Была свадьба в ресторане, на которой присутствовал и отец Розанны. К тому времени он уже женился вторично, и у него во втором браке родился сын. Розанна поступила на вечернее отделение института и работала. Жила она с мужем неплохо. А через 2-3 года Беба решила уехать в Израиль. Родных у неё там не было, только друзья. Она, по-моему, ищущая и мечущаяся натура, довольно энергичная и внешне довольно интересная женщина, высокая, блондинка. Она готова была уехать в Израиль одна, но Розанна подумала и решила ехать с мамой. Её муж отказался от предложения ехать вместе, он не мог оставить своих маму и бабушку, вырастивших его и не помышлявших об отъезде в Израиль, будучи русскими людьми. Розанна разошлась с мужем похорошему, без скандалов, сопровождавших обычно разводы и разделы имущества. Она жила с ним до последнего дня, и он провожал Розанну с Бебой в аэропорт.

По приезде в Израиль этим двум женщинам было, конечно, нелегко начинать жизнь с нуля, не имея никаких средств и не зная языка. Но они прошли через все трудности, изучили язык, учились и работали, как все или как большинство эмигрантов. Купили даже там собственную квартиру. Розанна встретила там молодого человека, Серёжу, приехавшего с родителями и младшим братом из Баку. Через некоторое время он приехал в Нью-Йорк как турист и решил остаться. Ему удалось устроиться на работу программистом, и тогда приехала таким же образом Розанна. Они оформили свой брак по-граждански.

Розанна пошла работать в парикмахерскую маникюршей, получая за работу наличными. Устроиться на государственную

работу она не могла, еще не имея «гринкарты». В парикмахерской Розанна познакомилась с одной богатой клиенткой, которая, узнав о её положении и о том, что она оформила брак по-граждански, предложила устроить Розанне с Серёжей «хупу» (по еврейскому обряду). Эта дама пригласила человек 60 своих друзей и сделала, как она считает, «мицву» (доброе дело). На мой вопрос Розанне, помогла ли эта дама новобрачным материально, я получила отрицательный ответ. Дружба Розанны и Серёжи с этой американской семьёй продолжается и по сей день, они очень близки с этой семьёй и часто бывают у них. Что же касается Бебы, то она осталась в Израиле, и в 1981 г. вышла замуж за одного рижского еврея, Иосифа. Браком этим она довольна и счастлива, и это очень хорошо, что она теперь не одна, потому что после отъезда Розанны в Америку, я представляю себе, как ей было грустно, хотя у неё тоже был в то время «бой-френд».

Старший сын дяди Яши – Сеня, на мой взгляд, не очень преуспел в жизни. Мы с ним редко встречались. Знаю, что он учился в военном училище, но военного из него не получилось. Семьи тоже не создал. Подолгу жил с разными женщинами и расходился, но впоследствии, сойдясь с одной женщиной с ребёнком, так и остался с ней. Девочка выросла при Сене, вышла замуж и родила ребёнка, сделав Сеню дедушкой. Особой близости у него, по-моему, нет ни с отцом, ни с сестрой, Бебой. В один из приездов в Ленинград из Риги, года за 2-3 до отъезда в Америку, у меня возникло желание встретиться с родственниками, и по моей просьбе дядя Яша к нашему приходу к нему в гости пригласил и Сеню с женой и Бебу. С Сеней я не виделась после войны, с его женой вообще не была знакома. Она произвела на меня довольно приятное впечатление. Старшая сестра тёти Розы в 1910 или 1915 г., будучи 15-летней девочкой, уехала в Америку, вышла замуж и имела нескольких детей. Помогала сестрам посылками, но когда Беба с Розанной приехали в Израиль и стали её разыскивать, оказалось, что она уже умерла, а её дети не захотели признать вновь приехавших родственников из России. Я по просьбе Бебы пыталась их разыскать, но их телефон даже не числился в телефонных книгах. А вот американские друзья Розанны, устроившие ей «хупу», как-то разыскали их и «крепко» поговорили с ними.

МОЕ ДЕТСТВО

Теперь продолжу о моих родителях и моём детстве.

Мы жили ещё на Прохоровской, в доме № 24. У меня осталось в памяти с того времени два эпизода. Первый – когда папа купил мне ботиночки, принёс их домой, и родители стали их примерять мне, и вдруг увидели, что правая ножка что-то «крутится» не так, как левая и, вообще, имеет другую форму. Повели меня к врачу, тот сказал, что нужно наложить гипс. И в течение нескольких лет мне накладывали гипс неоднократно. Однажды врач сказал, что нужно положить меня в больницу и сделать операцию. Помню, мама отвезла меня в больницу, а потом пошла к врачу и стала расспрашивать, какую операцию нужно сделать, кровную или нет, то есть нужно ли резать ножку, на что врач ей ответил: «Это наше дело, раз ребёнок попал к нам». Мама тут же забрала меня. Ей не понравился этот ответ и тон, которым говорил врач. И потом её пугала операция ещё и потому, что Саше, сыну ее сестры Сони, любимому старшему племяннику, много раз делали операции, хотя, по-моему мнению, он в результате ходил лучше, чем до операции. У него только не сгибалось колено, а до операции он «тянул» ногу.

Когда мы уже жили в Ленинграде, я часто бывала в ортопедическом институте имени профессора Турнера. Меня там осматривали, исследовали, но толком ничего не сделали.

Уже будучи замужем, я консультировалась с нашим знакомым профессором Кусликом и, осмотрев мою ногу, он сказал, что это у меня результат перенесённого в детстве полиомиелита. Но когда это произошло, ни мои родители, ни я сама не знали. Я только помню себя больной в детстве дважды. Первый раз – совсем маленькой, мы ещё жили в дедушкиной квартире. Врач поставил диагноз: инфлюэнца (то, что теперь называют гриппом) и выписал сладкую микстуру, велел принимать 3 раза в день по одной ложке. Но она была настолько вкусная, что когда никого не оказалось дома, я выпила всю бутылку с этим лекарством. Возможно, что тогда у меня и был «полиомиелит». А второй раз я помню себя больной корью. Это случилось, когда мама уже жила с папой в квартире бывшей хозяйки дома на Прохоровской, 24. Я болела не очень тяжело, но нужно было соблюдать постельный режим некоторое время, чтобы не было осложнений.

Хозяйка квартиры куда-то исчезла со своим мальчиком, который был моим ровесником. В один из дней раздался звонок в

дверь, и появились работники ГПУ (Государственное политическое управление). Они начали производить обыск в комнатах, принадлежащих хозяйке, по подозрению в причастности к преступной группе фальшивомонетчиков (то есть они печатали фальшивые деньги). Мне они дали некоторые игрушки хозяйкиного мальчика. Позже родители сняли квартиру, как я уже писала выше, на Еврейской угол Преображенской. Купили рояль, и меня начали учить музыке, а затем французскому и немецкому языкам и «предметам». В школу меня не отдавали, поскольку мама считала совместное обучение в советских школах не лучшим вариантом для меня. Это, конечно, имело негативные последствия в будущем. Да, забыла рассказать, что когда мы ещё жили на Прохоровской, мама вместе с соседкой, сын которой был моим ровесником, наняли преподавателя еврейского языка – он учил нас писать и читать. Но эти уроки почему-то довольно скоро закончились, и из всего этого я до сих пор помню только одну букву «л», по-еврейски «ламед». Музыкой я, как и все дети, занималась неохотно. Но моя мама, сама не получив никакого образования, стремилась дать всё, что возможно, мне, а потом и моей сестре Вале. Она сама сидела около меня у рояля, когда я занималась самостоятельно и когда приходила учительница. И надо сказать, что она уже сама начала разбираться в музыке. У меня же особого дарования не было, и хотя в общей сложности я училась музыке лет 15, но играть не умею. Но тем не менее, результаты учёбы сказались хотя бы в том, что я понимаю и люблю музыку, и эту свою любовь сумела в дальнейшем внушить и мужу, и нашим детям, за что я, конечно, очень благодарна своей маме. Мама даже отдала меня учиться в школу Столярского, которая находилась недалеко от нас, на той же Преображенской улице.

Были у нас в этом доме разные соседи. С некоторыми мы дружили семьями. Например, с семьёй Кунянских. Они жили в шикарной большой квартире с входом с улицы Преображенской и «чёрным» ходом со двора, с Еврейской улицы. В том же доме у них была собственная аптека, где работал глава семьи Миша Кунянский. Со всей его семьей – женой Маней, тещей и тремя детьми – мы дружили. Старшая девочка была на год-два старше меня, вторая – на год младше, самым младшим был сын. Мы были очень близки с этой семьёй, поэтому мне хочется написать о них подробнее.

Мадам Кунянская, как её все называли, считалась образованной дамой. По-видимому, она закончила гимназию. В те вре-

мена это считалось хорошим образованием для девушек. Она была начитанной. Всегда лежала на диване с книгой. Хозяйство вели её мама, мадам Шварцман, и домработница. Муж её был очень интеллигентный, добрый и мягкий человек, и главное – очень хороший муж.

Моя мама часто спрашивала мадам Шварцман: «Как это вам удалось найти для дочки такого хорошего мужа, как Миша?» И та своим басистым голосом начинала рассказывать на еврейском языке: «У меня была длинная, худая, зелёная, некрасивая дочка, и я всегда просила Бога: «Боже мой, Боже мой, пошли моей дочке хорошего мужа!» И я выпросила у него такого мужа, как Миша».

Моя мама, как говорится, тоже «намотала это себе на ус», и хотя мне было тогда лет 9, но она часто просила Бога, чтобы он послал мне такого мужа, как Миша Кунянский.

Забегая вперёд, надо сказать, что мой муж не только характером и отношением похож на Мишу, но и ростом, и немного цветом волос. Моя мама, живя с папой, не хотела иметь других детей, и поэтому, как она рассказывала мне, уже взрослой, сделала 18 аборт. По-видимому, тогда не было противозачаточных средств, или же такая была серость у людей. И когда мама в очередной раз забеременела, врач не взялся ей больше делать аборт, так как стенки матки были очень истончены, и она оставила беременность.

В 1923 г. 23 апреля мама родила девочку, которую в память моей бабушки Вели (маминой матери) назвали Валею. Эта была уже третья Валя в семье Гуревичей: первая – у маминого брата (дяди Павы), вторая – у маминой сестры (тёти Кати). Мне было 10 лет, когда у меня появилась сестрёнка. Я очень хорошо помню все события, связанные с её рождением. В те времена было принято рожать дома почему-то, а не в больнице. Мама пригласила акушерку, договорилась с ней, что она будет принимать роды. Та пришла к нам, посмотрела маму и сказала, что роды могут наступить в любой момент, но остаться она не может, поскольку ее уже ждет где-то в дальнем районе города роженица с очень тяжелыми осложнениями, и она должна быть около неё. Она ушла, оставив адрес этой роженицы.

Телефоны тогда в Одессе были редкостью, не помню, чтобы у кого-либо из наших родных или знакомых был телефон. Ночью у мамы начались схватки, и она послала папу разыскать акушерку. И он почему-то шел пешком в другой конец города в полной

темноте, пытаясь отыскать нужный адрес. Теперь я понимаю, почему он отправился пешком. То ли не было общественного транспорта, то есть конки (вагончик, типа трамвайного, только передвигался он при помощи лошадей), то ли не было возможности нанять извозчика, или их просто ночью не было. Но пока папа вернулся, уже рассвело, и ребёнок уже родился. Я, конечно, проснулась и старалась, чем могла, помочь маме: то она просила сделать ей валик под поясницу, то дать попить, то ещё что-нибудь. Когда же ей стало совсем невмоготу, она велела мне подняться к Кунянским, разбудить их и попросить их прийти к ней.

Чёрный ход к ним был рядом с нашей дверью. И вот, не боясь ночной темноты, я пошла и стала стучать. Не скоро они услышали и проснулись, но, наконец, проснулась и поднялась вся семья. Когда я рассказала, в чём дело, мадам Кунянская упала в обморок, а мадам Шварцман, её мать, сказала, что ей станет плохо при виде родовых мук. В результате пошел со мной к маме господин Кунянский и их домработница. Но мама уже родила сама, попросила прикрыть ребёнка, а вскоре пришёл папа с акушеркой, которая перерезала пуповину и обработала ребёнка. Интересно, что когда господин Кунянский, стоя в столовой у входа в спальню, поздравил папу с новорождённой дочкой, тот так расстроился, что родилась девочка, а не мальчик, что не мог даже сразу зайти к маме. А потом мама долго и тяжело болела. У неё было очень много молока, а ребёнок был маленький и не мог его отсасывать. Груды затвердевали и были как камни. Отсасывание молока специальными приборами тоже не помогало, мама чуть не погибла. Врач сказал, что нужно найти грудного ребёнка, которому было бы месяцев 8-10 – только это может помочь. Начались поиски и, наконец, папа нашёл женщину в дальнем, бедном районе города, у которой был мальчик Иосиф, месяцев десяти. Это было спасение для мамы. Но когда папа привёз эту женщину с мальчиком, и она увидела маму с чёрными запёкшимися губами и уже почти без признаков жизни, она так испугалась, что не хотела дать ребёнка. И только за хорошую плату папа сумел её уговорить, и ребёнок начал отсасывать грудь.

Маме стало легче, и она открыла глаза. Я помню, что эта женщина жила у нас с ребёнком довольно долго, пока мама не поправилась и не начала ходить, а Валя стала немного постарше. Таким образом, у неё появился молочный брат. Мама, конечно, очень похудела после болезни и изменилась. Как-то во время прогулки с папой он ей сказал, указывая на проходящую мимо

даму: «Посмотри, какая полная, интересная женщина!» Мол, не то, что ты. Надо сказать, что в те времена было модно, чтобы замужняя женщина была полной. Маму это в глубине души обидело, и она решила во что бы то ни стало приложить все усилия и поправиться. И вот в середине лета мама решила поехать с нами, детьми, на дачу. Тогда было трудно с продуктами, и решено было ехать в деревню к крестьянам. Причем ехать надо было на подводе.

Сейчас даже трудно себе представить, как можно было ехать с маленьким, грудным ребёнком по тряской, булыжной дороге в незнакомую деревню.

Тем более, что этой поездке предшествовало такое страшное событие: мамина знакомая, некая Макагон (имени её не помню), родственница семьи Могман, близких семье тёти Сони (маминой старшей сестры), поехала на подводе в одну из ближайших к Одессе деревень, чтобы купить там или обменять на вещи продукты. На Украине тогда был страшный голод, и вот возчики её ограбили, избили и привязали верёвками сзади к поводьям. Затем погнали лошадей, а она волоклась, привязанная, по булыжной мостовой до тех пор пока не погибла. Её тело привезли домой, и мама пошла на похороны, взяв меня с собой. Это было ещё до рождения Вали.

Я помню, что рассказ произвел на меня ужасное впечатление. Поэтому мы ехали на дачу в деревню с большим страхом и мечтали только благополучно доехать.

Вообще-то наша семья не очень голодала, потому что мы с лета и осени запасали много продуктов. У нас был подвал во дворе, там хранились разные овощи и фрукты: картошка, морковь, тыква и многое другое. Кроме того, хранились запасы муки, кукурузы, всякие соленья и варенья. И мама даже помогала своим сестрам, носила им корзины с продуктами и часто кормила голодных с улицы, которые были в очень плохом состоянии. В те годы все мамы сестры ещё жили в Одессе.

На даче мы жили месяца полтора и уехали домой. Мама поправилась и окрепла и опять стала красивой женщиной.

Моя мама по натуре была очень скрытной. Она, например, до самой старости никому не рассказывала, что папа уже второй муж, и что Валя моя сводная сестра. Сама Валя этого, конечно, тоже не знала, тем более, что отношение родителей к нам обоим было одинаковым, а я её очень любила и всю жизнь опекала, как мама. Я ведь была старше её на 10 лет и была очень взрослой и

самостоятельной даже в свои 10 лет. Ко времени рождения Вали все мамы сестры уже уехали в Петроград. Получилось так, что одна тянула другую.

Первой уехала тётя Фира с мужем, дядей Сашей Вайсберг и дочкой Аллой. За ней потянулась тётя Соня с семьёй. Она уже вытащила тётю Катю и тётю Рахиль с семьями. И из всех сестёр в Одессе осталась только мама. Тётя Соня всё писала письма маме и звала ее в Петроград. Так и писала «всё продай и приезжай с семьёй. Здесь очень хорошо». По её словам, там прямо сыпалась «манна небесная». Мама долго думала и, наконец-то, решилась. К тому времени у нас дома была очень приличная обстановка, пианино и всё необходимое. Мама решила по совету тёти Сони всё продать, а в Петрограде начать новую жизнь. Поехал сначала папа, чтобы устроиться на работу, а мама с нами, двумя детьми, приехала в Петроград через полтора месяца. Это значит, что папа уехал где-то после нового, 1924 г., а мы приехали, помоему, 22 февраля 1924 г. уже в переименованный к тому времени, после смерти Ленина, Ленинград. Вале было месяцев 10, а мне – одиннадцатый год. Мы послушались совета тёти Сони, продали мебель и приехали только с мягкими вещами. За эти полтора месяца, что папа был там один, он пытался найти работу. Но тогда была большая безработица. Он имел много переживаний и, видимо, на нервной почве заболел язвой 12-перстной кишки. Работа его заключалась в том, что он торговал кожей на Александровском рынке на Садовой ул. угол пр. Майорова. У него был столик под открытым небом на площади перед рынком. Для нас он снял небольшую комнату, недалеко от рынка, у одной одинокой женщины. Квартира была без удобств, готовили на примусе. В комнате стояли две убогие железные кровати, стол на крестовине и несколько табуреток. Но всё было чистенько, застлано белыми тряпочками. Мама, конечно, всё это переживала, тем более, что папа уже с этого времени считался желудочным больным. Началась диета, визиты к врачам и профессорам, и мама начала помогать папе в работе.

После приезда в Ленинград нам жилось очень трудно, но мама была очень энергичная, и первое, что она сделала, это нашла другую комнату, в районе Мариинского театра, в большой, хорошей квартире. Кроме железных кроватей там ничего не было. Но мама сделала белые чехлы на спинки этих кроватей, а из фанерных ящиков сделала шкафчики для посуды и белья. Всё это было покрыто белыми тряпочками, и в комнате было очень

чистенько. Моя сестра Валя была очень тяжелым ребёнком. Мама её называла «крикунья». Она всегда плакала, кричала, капризничала, а врачи не могли объяснить причину. Поскольку мама должна была помогать папе в работе, то она наняла няню для Вали. И вот я помню такую сцену: решили показать Валу врачу, няня несёт её на руках, а она плачет, кричит, мама идет сзади, а я бегу за ней. Позвонили в квартиру врача. Врач, конечно, был частным. Вся «процессия» вошла в коридор с кричащим ребёнком на руках. Из-за её крика невозможно было ничего сказать врачу и ничего услышать в ответ. Но он нас дальше коридора не пустил. Вынес какой-то рецепт на лекарство и отправил нас домой. А Валя продолжала кричать. Своим криком она накричала себе пупочную грыжу. Наверное, у неё что-то болело. Теперь бы, при современном положении медицины, нашли причину. Была у Вали одна няня, украинка Татьяна, уже пожилая деревенская женщина. Когда она везла её в коляске на прогулку, Валя так кричала на всю улицу, что все обращали внимание на неё. Тогда Татьяна, чтобы мама не знала, поила её вареным маком, чтобы она спала. Это какое-то деревенское средство. Но когда мама узнала об этом, то, конечно, уволила. А вообще, няню найти для Вали было очень трудно. Все убегали через несколько дней. Никто не выдерживал её крика. Также хозяйка квартир, где родители снимали комнату, услышав её крики днём и ночью, просили освободить комнату. То же получилось и с этой квартирой.

Следующую квартиру, вернее, одну небольшую комнату, мама сняла у одного старика, в Танровом переулке, недалеко от Сенного рынка. Но комната была такая маленькая, что кроме двух кроватей и детской кроватки для Вали там ничего не помещалось. Мама попросила разрешения у хозяина квартиры поставить в кухне кровать для домработницы, а я спала в этой кровати вместе с ней. В квартире жила взрослая дочь хозяина. Видя, как она считает на счетах, подсчитывая хозяйственные расходы, я тоже научилась считать на счётах. От домработницы научилась гадать на картах, воспринимала всё, что видела и слышала.

В этой квартире нам тоже недолго удалось прожить, потому что стенка нашей комнаты граничила с комнатой хозяина, и ему не давал спать Валин плач по ночам. В этот период я нашла пионерскую организацию, которая помещалась в районе Мариинского театра, и вступила в пионеры. Тогда пионерские организации были независимы от школы, а впоследствии все они находились при школах. Но я в то время в школу ещё не ходила. Мама

всё ещё считала, что советские школы плохие, так как там совместное обучение мальчиков и девочек. И я продолжала заниматься с учительницей частным образом. Помню, как в Ленинграде разразилось наводнение. Это было, по-моему, 23 ноября 1924 г. Я ещё не очень представляла себе, что это такое – наводнение. Собралась идти на сбор пионерского отряда. Родителей ещё не было дома после работы, а соседи сказали мне: «Не выходи на улицу, там наводнение». Но я не представляла себе, как можно пропустить сбор, и пошла. Спустившись вниз, увидела, что вода разливается по двору и дошла уже до нашей парадной, которая выходила во двор. Я стояла и смотрела, как вода прибывает и прибывает и, конечно, никуда уже не пошла. Вскоре по грудь в воде пришли родители с работы и рассказали, что творится на улицах, как заливают первые этажи, а люди передвигаются на лодках. Потом, прочитав «Медного всадника» Пушкина, я под впечатлением этого наводнения написала целую поэму, которая была «в ритме» «Медного всадника».

Вообще, в юности я писала стихи, как и большинство девочек моего возраста. Были и очень неплохие. И впоследствии, уже в школе, учителя мне советовали в дальнейшем пойти на литературный факультет. Всегда участвовала в самодеятельности, читала со сцены свои стихи и стихи разных поэтов. Особенно любила Пушкина, знала много его стихов и поэм наизусть и с удовольствием декламировала. Кроме того, пела в хоре и даже после школы.

Несмотря на свои 13 лет, была взрослая и самостоятельная девочка. Мама пошла со мной в школу, и там сказали, что я должна сдавать экзамены, чтобы определить, в какой класс подхожу по своим знаниям. Занималась всю жизнь вопросами нашего воспитания и образования только мама. Она почувствовала мою категоричность и наняла мне репетитора. Он надеялся, что я попаду в 4-й класс, но после экзаменов меня определили в 3-й класс. Но я всё равно с радостью пошла в школу.

Училась очень хорошо, хотя в этот период шла перестройка школ, и на нас испытывали все новшества: то мы занимались по Дальтон-плану, то по «бригадной системе». Объясню, что это значит.

В соответствии с Дальтон-планом преподаватель разбивал на части заданную тему, каждый ученик готовил только свою тему и докладывал классу. Остальные темы этого задания он слушал, когда докладывали другие ученики. Но мы всё-таки были

ещё дети, и каждый хитрил как мог. Своё задание выполнил, а остальное мог не слушать, болтать, заниматься другим делом на уроке. Эта система не оправдала себя.

Бригадная система подразумевала, что класс разбивали на бригады по 4-5 человек, давали задание. Считалось, что мы всей бригадой обсуждаем задание, а один из членов бригады записывает проработанное и подаёт преподавателю, и тот, проверив, ставит отметку всей бригаде. Тут учащиеся ловчили ещё больше, а знаний было ещё меньше. И эта система так же не оправдала себя, и её вскоре отменили. Стали заниматься по старому испытанному методу, спрашивая с каждого индивидуально. В общем, это был период поисков чего-то нового, более подходящего к советской системе.

Но я лично всегда училась хорошо, добросовестно, самостоятельно. Я была всегда единственной еврейкой в классе, но относились ко мне очень хорошо, выбирали в общественные организации: председателем совета отряда, старостой класса и др. Никакого антисемитизма в те годы не было, я его не ощущала. У нас было в классе три девочки, с которыми я подружилась, и эта дружба длилась у нас до самого моего отъезда в Америку. Это Зоя Долбилкина, Галя Морева, Валя Афанасьева. Меня в школе звали Сарра Розенфельд. Взяв первые буквы наших фамилий, мы называли себя «МАРД» – Морева, Афанасьева, Розенфельд, Долбилкина. Все мы были одноклассницы, все 1913 года рождения, и только Галя Морева – 1915-го. Мы были из разных социальных групп, или как тогда называли, социальных сословий. Зоя Долбилкина была дворянского происхождения, Валя Афанасьева – крестьянского, Галя Морева – точно не знаю, наверное, её отец был какой-то служащий, ну и я – из мещан.

В это время я также начала заниматься музыкой с учительницей. Причём инструмента у нас ещё не было в то время, и мама договорилась со знакомыми, что я буду ходить к ним заниматься и упражняться каждый день. В общей сложности я прозанималась музыкой лет 15. Выходя уже замуж, я всё ещё брала частные уроки музыки. Никаких талантов у меня не было, да и слуха тоже не было. Но я, конечно, не жалею, что занималась, потому что это приобщило меня к миру музыки, обогатило общее развитие и культуру. Я стала понимать и любить музыку, а потом, когда у меня появились дети, я таким же образом приобщила и их к этому миру.

Школу я очень любила, проводила там много времени поми-

мо занятий, вечерами. Принимала очень деятельное участие в разных кружках самодеятельности: хоровом, драматическом. Знала очень много стихотворений наизусть прекрасных и любимых мною поэтов: Пушкина, Лермонтова и др. Например, когда школьный драмкружок ставил пьесу Гоголя «Женитьба», в школе не смогли найти мальчика, который бы сыграл главную роль жениха, и решили, что эту роль лучше меня никто не сыграет. И действительно, этот спектакль шёл очень долго и в школе, и подшефных организациях, в воинских частях с большим успехом, под гром аплодисментов.

Ещё в те годы в Советском Союзе был выпущен указ «О ликвидации неграмотности». Был такой лозунг: «Ни одного неграмотного в Советском Союзе». И посылали школьников и студентов на разные предприятия после учёбы «ликвидировать неграмотность» среди взрослого и пожилого населения. Такие курсы были организованы и при домоуправлениях. И даже моя мама и свекровь ходили туда учиться. Мы учили их писать, читать и арифметике.

Надо сказать, что я была настолько самостоятельная, что все решения, касающиеся образования, принимала сама. Родители мои, как я уже писала, были без всякого образования, малограмотные и ничего посоветовать не могли. Мама мечтала только о том, чтобы мы получили образование. Это касалось как меня, так и Вали, в продолжение всей нашей молодости. Но дать нам совет, направление некому было. Наоборот, я уже лет с тринадцати была «самая грамотная» в семье, и мне часто приходилось по просьбе родителей заполнять всякие анкеты, писать заявления в разные нужные им организации, в финансовые органы, фининспекторам при переходе папы на новую работу и т.д.

Когда мы жили на Кузнечном, родители открыли недалеко от дома мастерскую химчистки. Отец получил патент на право открытия этой мастерской как кустарь-одиночка, по инвалидности вследствие болезни. Он ведь был язвенником. Но в этой химчистке у них не очень-то пошло дело, они закрыли ее. И папа начал работать в каком-то ларьке на Сенном рынке. Везде мама ему помогала, вернее, она вела все дела, а папа получал товары. Так как они были «лишенцы» (т.е. лишены избирательных прав), то меня выписали из квартиры и прописали к тетё Фире, маминной сестре, которая считалась «трудящимся элементом», а для моей дальнейшей учебы так было удобнее.

Я прouчилаcь два года на чертёжных курсах, и по окончании

их передо мной встала проблема, как и куда устроиться на работу. Но, к счастью, знакомый моих родителей – некто Гафт – работал на военном заводе № 7, в плановом отделе. Он помог мне поступить на завод в конструкторское бюро при кузнечном цехе. Работать там мне очень нравилось, во-первых, потому, что там были опытные конструкторы, и я многому там научилась, а, во-вторых, всё, что я чертила, могла увидеть на практике, в процессе изготовления, а затем в готовом виде. Работая там, мечтала о поступлении в институт и о получении высшего образования. Но для этого мне нужен был аттестат об окончании средней школы. Ведь я практически имела справку об окончании семи классов. И вот мы, то есть четыре подруги, нашли курсы по подготовке в ВУЗ (высшее учебное заведение) на Петроградской стороне.

Работала я на Выборгской стороне, а жила в центре, на Кузнечном. И вот началась моя тяжёлая, трудовая и учебная жизнь. Я вставала рано утром, чтобы попасть к 8-ми часам на завод. С завода приезжала домой покушать. Обед должен был стоять уже горячий на столе, иначе не успевала. Наскоро поев, мчалась в другой конец города, на Петроградскую сторону, а поздно вечером возвращалась домой. Тогда по городу курсировали только трамваи, всегда переполненные. Люди «висели» не только на подножках, но и сзади на буферах. Трамвай «брали» с бою, я всегда висела на последней подножке последнего вагона, там считалось безопаснее в случае падения – если уж упадешь, то хоть не под колеса. В этих вагонах очень портилась и рвалась одежда, пуговицы слетали, я даже сшила для поездок на работу специальное пальто из крепкой, толстой ткани красного цвета, с высоким, стоячим меховым воротником, чтобы было теплее.

Это было в 1932-1933 гг. – в те годы вообще так не одевались, как теперь. На работу ходили летом в ситцевых платьях, а зимой в байковых, а для выходных дней старались сшить платья понаряднее – шелковые и шерстяные. То же самое касалось обуви и чулок. На работу носили простые чулки, а для выхода в свет – фильдеперсовые. Чулки эти, если рвались, штопали до бесконечности. Это всё потому, что Союз жил в те годы беднее, а потому и скромнее, чем в послевоенные годы. Кроме того, большое влияние оказало на советский народ то обстоятельство, что многие побывали на Западе и увидели другую жизнь.

Так училась и работала до изнеможения, в страшном напряжении стремясь достигнуть желаемого. Окончив курсы по подготовке в ВУЗ летом, стали сдавать экзамены. Родители уехали

на дачу с Вале́й, а я осталась дома, и однажды, когда никого не было дома, к нам в квартиру влезли воры и обокрали нас, в основном украли носильные вещи. Так как наша квартира была в бельэтаже, а окна выходили на задний двор и почти упирались в стоящий под ними сарайчик, очень легко можно было взобраться по крыше сарайчика в окно, что и было сделано.

И я, как ушла на экзамен в юбочке и майке, так и осталась только при этой одежде. Нужно было всё приобретать заново, что оказалось не так-то легко из-за материальных трудностей и невозможности достать или купить необходимое. Проблема «купить-достать» всю жизнь до последнего дня нашего пребывания в Союзе была сложной, да и после нашего отъезда осталась такой же. Думаю, эта проблема при советском строе неразрешима. После того как нас обокрали, я, сдав экзамены, поехала на дачу к маме и сразу заболела от сильного переутомления. Все мы, четыре подружки, пытались поступить в институт, но наши попытки не увенчались успехом. Попала только одна Валя Афанасьева, потому что была крестьянского происхождения.

МОЯ РАБОТА И МОЯ ЖИЗНЬ

Я проработала на заводе №7 3,5 года. Это была для меня хорошая школа, особенно практическая. Ведь всё, что я конструировала, я могла увидеть при изготовлении, так как конструкторское бюро находилось при кузнечном цехе, и я видела, как мои штампы давали готовую продукцию. И это было тоже очень интересно и наглядно для меня.

Я очень полюбила этот завод и свою работу. Занималась спортом в секции волейбола, в лыжной секции. Ездила на лыжах в Кавголово, под Ленинградом в выходные дни. Но мама стала меня уговаривать перейти на другое место работы, чтобы меньше бывать в рабочей среде, в цехах, она считала, что это меня опрошает. И я нашла себе работу в проектной организации – конструктором по холодной обработке металлов. Это была исключительно инженерная среда. «Проектзаводтранс» – так называлась эта организация – размещалась в центре города, ближе к дому, и работа начиналась позднее, что было большим преимуществом для меня. Кроме того, «Проектзаводтранс» подчинялся министерству железнодорожного транспорта, и все работающие имели право на бесплатный проезд раз в год в оба конца в любой город страны. Правда, проработав там несколько лет, воспользовалась этим только однажды, в 1935 году, когда проехала через Москву в Одессу в отпуск, но это была интересная поездка.

А могла поехать и в Крым, и на Кавказ, но мама считала, что молодой девушке неприлично ездить одной на Кавказ. Мама говорила мне: «Вот когда выйдешь замуж, с мужем и поедешь куда угодно, а одна – нет». Я поехала к знакомым в Подмоскowie, где оставалась ночевать, а это оказался район строительства Беломорканала. Строили его в основном заключенные, и это было страшное зрелище. Зрелище измождённых, исхудавших, оборванных, грязных и голодных заключенных производило гнетущее впечатление – это были настоящие рабы. Но тогда, по советским меркам, считалось, что это подонки, отбросы общества. Теперь-то мы знаем, что там работало много интеллигентных людей, умных, образованных, попавших в заключение по наспех «состряпанном» делам. Технически их труд был несколько не оснащен, и люди не выдерживали напряжения и погибали во множестве.

В эти годы я уже работала, а моя сестра Валя училась в средней школе и музыкальной школе на улице Некрасова. Мама работала, была занята, и вместо мамы я ходила в школу на ро-

дательские собрания и в музыкальную школу на отчетные концерты. В общем, контролировала её учебу и помогала ей. Инструмента у нас тогда все еще не было, и Валя ходила заниматься к знакомым. И мне захотелось купить ей пианино. Мама предложила: «Ты откладывай свою зарплату в сберкассу, а когда соберется достаточная сумма, мы купим пианино». Так я и делала – старалась меньше тратить, ничего не покупать, в день зарплаты несла деньги в сберкассу. В 1935 г. после убийства Кирова 1-го декабря, в Ленинграде был учинен настоящий погром. Начали выселять из города всех «бывших» священнослужителей и других «чуждых элементов». Причём давали на сборы 24 или 48 часов. Люди были вынуждены наскоро избавляться от имущества, освобождая квартиры. Что могли успеть, продавали. На домах и на столбах были развешаны объявления о срочной распродаже домашней утвари, мебели и других вещей. Прочитала я такое объявление, где среди прочих вещей продавалось и пианино. Но я ещё тогда не знала, почему продают, и почему так срочно. И вот мы с мамой пошли вечером посмотреть это пианино.

Это было в районе Пяти углов. Увидев погром в квартире и ужас, застывший в глазах людей, которых выселяли из города, я попросила маму уйти из этого дома. Мне не хотелось, да и я не могла, строить наше счастье на несчастье других людей. Хотя, как я теперь понимаю, может быть, мы сделали бы лучше для этой семьи, если бы купили у них пианино. В общем, мы всё же купили Вале пианино, но в семье юного музыканта, вундеркинда, которому потребовался уже концертный рояль, поэтому родители решили продать пианино. Я была очень счастлива, сделав это для Вали, теперь ей больше не надо было зависеть от других людей, к которым она ходила заниматься музыкой.

Я очень любила Валу и всю жизнь относилась к ней с материнской любовью, занималась её развитием и интеллектом. Мне ничего для неё не было трудно сделать, но и она мне отвечала такой же любовью и доверием. Если ей что-то нужно было выяснить, узнать, она верила только тому, что я ей говорила. Правда, после моего замужества она привязалась и к Марку. Он тоже много с ней занимался, помогал в занятиях и в общем развитии.

У неё было много подруг, начиная с 5-летнего возраста, когда мама отдала её в частную немецкую группу на Владимирской площади. В те годы ещё, по-моему, даже не было детских садов, а если и было, то немного, и попасть туда было трудно. В этой группе она познакомилась и подружилась с Аней Куслик, друж-

бу с которой пронесла через всю жизнь. У Вали были подруги со школы, начиная с первого класса, например, Нюся Левит, из института много подруг. И со всеми она поддерживала дружбу до конца своей жизни. Это был бесценный дар – дружить с людьми не годами, а десятилетиями. Не помню случая, чтобы Валя поссорилась с кем-либо из подруг или даже просто со знакомыми. Она всегда была веселая, жизнерадостная, хохотушка, всегда «хохмила» и веселила окружающих.

В 1935 г., когда в моду входили западноевропейские танцы, до этого осмеянные и запрещенные, во многих клубах и других местах города открылись танцевальные классы, где преподавались танго, фокстроты, вальс-бостон и др. Курсы, конечно, платные, но вся молодёжь шла туда, чтобы научиться правильно танцевать. Я тоже пошла на такие курсы в группу на Литейном, угол Невского. Мы разучивали танцы, а в выходные дни собирались по несколько пар у кого-нибудь из группы и танцевали под магнитофонные записи для практики. И вот помню, 1-го декабря мы договорились созвониться о встрече с одним молодым человеком, живущим на Петроградской стороне.

Телефона у меня дома не было, да и мало у кого из простых смертных он был в то время, за исключением высокого начальства. Когда я ему позвонила из автомата, он мне ответил: «Да что ты, о каких танцах может идти разговор? Разве ты не знаешь, что сегодня убили Кирова?».

Я обомлела. Купив газету, все поняла. Ленинград был встревожен, бурлил. Все разговоры крутились только вокруг этого ужасного события. Надо сказать, что Кирова в Ленинграде очень любили, и сообщение об убийстве его произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Все сокрушались и возмущались, но никто не догадывался, что за этим последует. Сообщалось, что некий Николаев, работник аппарата Смольного, выстрелил в Кирова. Но после смерти Сталина пошли слухи, что убийство организовал Берия по поручению Сталина, опасавшегося большой популярности Кирова в народе.

А в те дни Сталин сам приехал в Ленинград на похороны Кирова и сказал две «примечательные» фразы ленинградцам. Первая: «Не сумели уберечь Сергея Мироновича Кирова живым, я его забираю мёртвым хоронить в Москву». И действительно, прямо из Таврического дворца, где гроб был выставлен для прощания, его повезли на Московский вокзал и отправили поездом в Москву.

А второе изречение Сталина было: «За голову Кирова Ленинград поплатится тысячами голов». И действительно, начался страшный террор. Полетели головы невинных людей, арестовывали, высылали из Ленинграда ни за что в 24 часа, не считаясь с возрастом, – стариков, семьи с маленькими детьми, голых, босых. Вещей разрешалось взять с собой столько, сколько можно унести в руках. Начался буквально погром, но не только евреев, а независимо от национальности – всех, кто попадал под горячую руку. Это был настоящий террор. Город жил в страхе, и никто не знал, что его ждет завтра.

Такая обстановка сохранялась довольно долго. Я помню, что в день похорон Кирова все заводы и организации шли к Таврическому дворцу, чтобы проститься с ним. Я тоже шла со своей организацией с улицы Гоголя, по Невскому, Литейному – к Таврическому дворцу. И когда мы уже почти дошли до него, наступил вечер, и допуск был прекращен, гроб повезли на вокзал. Так мы и разошлись, чуть-чуть не дойдя до цели. Это событие осталось в памяти многих ленинградцев, отозвавшись тяжёлыми последствиями для Ленинграда.

**Sofa with her three best friends in school (Galia, Zoia, Valia).
1930, Leningrad**

1933

1936

1940

ЗАМУЖЕСТВО

Примерно в это же время в 1937 г. я «вторично» познакомилась с Марком Беккером, за которого впоследствии вышла замуж. Об этом я хочу рассказать поподробнее. В 1935 г., встречаясь с Сашей, я как-то была с ним в ДИТРе (Дом инженерно-технических работников) на вечере. В какой-то момент, когда Саша пошёл в курительную комнату, я осталась в танцевальном зале, ко мне подошёл молодой человек, невысокого роста со светлыми волосами и искрящимися счастьем глазами. Он пригласил меня танцевать, и я дала согласие. Во время танца он рассказал мне, что заканчивает японский факультет института востоковедения, и очень счастлив. Познакомил меня с младшим братом Ароном, с которым приехал в ДИТР. Когда пришёл Саша, я, естественно, уже опять была с ним. В другой раз, будучи в ДИТРе, Марк опять подошел и пригласил меня танцевать, но я отказалась. Тогда он сказал: «Мы ведь знакомы?» На что я ответила: «Нет, я вас не знаю». Хотя, конечно, я его узнала, но по внешности он не был «героем моего романа». Мне нравились высокие, брюнеты, а он был маленького роста и блондин.

Но, видно, судьбою было предназначено соединить наши жизни. И вот как это получилось. Встреча в ДИТРе произошла весной 1935 г., и больше я Марка не встречала. Но вот в 1937 г., за месяц до пасхи, на праздник Пурим у моих родителей была годовщина свадьбы, которую они отмечали каждый год именно в этот праздник и приглашали друзей. Среди приглашенных были и их друзья – супруги Криворучко. Но когда они собирались в гости к моим родителям, к ним пришла мадам Беккер, как её все называли в Ленинграде. Криворучки нам часто и много рассказывали об этой семье, где было 10 детей – семеро сыновей и три дочери. В то время только одна дочь была замужем, а два сына – женаты на русских девушках. Видимо, Криворучки рассказывали и им о нашей семье. И когда они пригласили её пойти с ними к нам, она с удовольствием согласилась. Только сказала, что за ней должен заехать сын к ним, чтобы пойти вместе к одним знакомым, так она ему позвонит и скажет, чтобы он заехал за ней к нам. Когда они приехали к нам, и мадам Беккер увидела меня, видимо, я ей очень понравилась. Она старалась усадить меня рядом с собой и поговорить, раскладывая свой «пасьянс» – фотографии детей. Но я не особенно внимательно рассматривала, мне нужно было помочь маме. Кроме того, развлекаая гостей,

я пела, а моя сестра аккомпанировала мне.

Вскоре раздался звонок в дверь. Я была в другом конце длинного коридора, а папа пошёл открывать дверь. Приглядев-шись, узнала того самого блондинистого молодого человека, с которым я познакомилась в ДИТРе два года назад. Я была очень удивлена. Он с мамой уже никуда не пошёл. Они остались у нас, и с этого дня мы встречались ежедневно, а ровно через два месяца поженились.

Сначала я ежедневно находила причины отказывать ему в свиданиях, но он приходил на Кировскую, к «Орга-металлу» встречать меня. Значит, один провожал меня на работу, а другой встречал после работы.

Я, конечно, не думала за него выходить замуж, называла его почти до последнего дня по имени отчеству и на «вы», а он меня просто по имени и на «ты». Человек он был очень настырный и всё убеждал меня, что всё равно я стану его женой и ни к чему сопротивляться. А я уверяла, что ещё не известно, и старалась уклониться под любым предлогом – что я якобы занята, должна где-то быть. Но вскоре Марк понял, что это уловки, и взял инициативу в свои руки.

Он был очень нежен и внимателен ко мне. Ежедневно, встретив меня после работы, провожал домой, и мы были вместе допоздна. Часто вечерами он встречался у нас дома и с другим моим поклонником. Они по очереди выходили курить в коридор, так как мама не разрешала курить в столовой – «занавесы закопятся!» И тогда второй спрашивал: «Ну зачем он приходит к тебе?» А я только отшучивалась.

Нежность, мягкость, ласковость Марка меня покорили. Он часто приходил с кем-нибудь из своих братьев, чтобы познакомиться со мной. Видимо, на всех я производила хорошее впечатление. Я в то время была спокойная и мягкая по характеру, очень дружелюбная в общении. Но в конце марта я заболела гриппом. Марк буквально целые дни просиживал у моей постели и очень нежно ухаживал за мной – поил нужными лекарствами и всё уговаривал дать согласие на брак. Но мне было страшно, ведь мы были очень мало знакомы. Правда, мамины сестры и их друзья знали семью Беккер ещё с тех пор, когда был жив их отец, умерший в 1931 г. Все очень хорошо отзывались об этой семье как об очень порядочных людях.

И вот я решила: дам согласие 1-го апреля с тем, чтобы, если

я почему-либо передумаю, сказать, что это была первоапрельская шутка. Но шутить мне не пришлось – 29 апреля была наша свадьба, через два месяца после нашего второго знакомства, и я никогда не жалела об этом. Наоборот, выходя замуж, я не пылала особой любовью к Марку, а как-то интуитивно чувствовала, что он очень хороший и порядочный человек и будет хорошим мужем. Но зато потом, после замужества, я с каждым днём любила его всё больше и больше и в своих предположениях не ошиблась. А надо сказать, что я была такая девушка, которая сначала обдумывала головой, а потом уже прислушивалась к велению сердца. Такой я осталась в продолжение всей жизни. Может быть, это рационализм, но в жизни я благодаря этой черте своего характера почти всегда была в выигрыше. Я, например, никогда не могла увлечься человеком до тех пор пока не чувствовала его влечения ко мне, поэтому у меня никогда не было случаев в жизни, когда моё сердце было кем-то «разбито», не было любви без взаимности. Я от этого всегда только выигрывала.

В период ухаживания за мной Марк относился ко мне с большим уважением, бережно храня мою девичью честь. Ведь в те годы считалось большим позором для девушки начать половую жизнь до свадьбы. А поскольку мы встречались ежедневно, то, естественно, у него никакой половой связи с женщинами в этот период не было. Правда, однажды он меня предупредил, что завтра не придёт, и вдруг вечером всё же явился. Уже позднее, после свадьбы, Марк мне рассказал, что физиология требовала своего, и он пошёл к женщинам на вечеринку, но быстро ушёл оттуда, так как все показались ему омерзительно неприятными, и у самого у него появилось ощущение предательства по отношению ко мне. В этот период он написал мне письмо, которое принёс и передал мне вечером при очередном свидании.

Это письмо я храню уже 45 лет и 9 месяцев. Провезла его через эвакуацию, сберегла в годы войны и через эмиграцию в Америку. Оно мне очень дорого, и поэтому переписываю его в эту тетрадь воспоминаний. Так как меня в семье все звали «Саррочка», то и Марк так обращается ко мне в этом письме, хотя потом, после свадьбы, сразу стал называть меня «Доничка», от слова «донья», а потом это перешло в «Доличку». И так всю жизнь и только он называет меня этим именем, к которому я так привыкла, что оно ласкает мой слух.

« Ленинград 26 марта 1937 г.

Дорогая Саррочка, я всю ночь беседовал с тобой, стараясь положить конец неясному и недосказанному в наших отношениях. И теперь для меня всё ясно! Обстоятельства сложились так, что я сейчас в очень затруднительном состоянии. Передо мной стоит вопрос: как и куда направить дальнейший мой путь? Этот вопрос был бы мне менее тягостен, если бы я не встретил тебя и не хотел бы связать своё будущее с твоим. Но ты крепко вошла в меня. Я теперь больше думаю о тебе, чем о том, как мне лучше поступить. Я рассматриваю своё будущее в проспекте того, как бы ты хотела его видеть. Мне это сейчас легко проделать лишь только потому, что я начинаю своё движение с исходной точки, но ты, Саррочка, колеблешься, и это меня очень дезориентирует. А сейчас от меня потребуется очень много. Я сейчас должен буду доказать, что моя уверенность в себе – реальна, что я действительно способен «горы двигать», что я способен на значительно большее, чем то, что я делал до сих пор. Но, Саррочка, ты должна воодушевить меня на большие дела. Вот это мне стало ясно после долгой беседы с тобой. Саррочка, я никак не могу встать в одну шеренгу с теми молодыми людьми, которые ухаживали за тобой до меня. У меня с ними нет ничего общего. Общее было на один миг – наше знакомство. Но в нём мы одинаково не виноваты. И если был этот «общий» миг-момент, то я ему очень признателен – он дал мне возможность тебя узнать – и только. Он длился недолго, и теперь он мною отодвинут в прошлое. Общее ещё и то, что, узнав тебя, каждый по-своему старался остаться подле тебя, и если судьба свела нас с тобой, то я хотел бы идти дальше рядом с тобой, хотел бы, чтобы наше будущее мы строили вместе. Саррочка, я один раз сказал тебе, что полюбил тебя, один только раз я произнёс это священное слово, и верь мне, дорогая Саррочка, что не в повторении его заключается подлинное чувство, а в глубоком уважении, в человеческом уважении, в ощущении постоянной близости, в глубоком понимании друг друга, в единстве стремлений – в этом и только в этом заключается подлинное чувство и отношение, вложенное в это слово – слово любовь. Саррочка, я чужд мещанской сущности этого слова. Я не могу предстать перед тобой со всеми козырями мещанской обеспеченности этого слова, но я смело могу его произнести, так как я знаю его сущность и силу. Я тебе говорю, что полюбил тебя, полюбил искренне, честно. Я считаю, что ты стоишь выше того мещанского положения, когда можно безмолвно согласиться на устройство личного счастья через вмешательство со стороны. Личное счастье, красивое, счастливое будущее – дело наших рук; его мы сами должны создавать. Сейчас, Саррочка, я не могу тебе предложить материально обеспеченной жизни. У меня ничего нет. Но разве это нас оттолкнёт в разные стороны, и разве не в этом сила нашего чувства? Твоя любовь даст мне силу, и я добьюсь всего, чего бы ты ни

пожелала. Но дай мне веру в то, что и ты, Саррочка, меня полюбила вот таким, каков я есть со всеми моими качествами, и ты будешь самой счастливой женщиной. Никто никогда нас ни в чём не упрекнёт. Дай мне счастье любить и быть любимым! Я пишу и переживаю своё чувство к тебе! Во мне всё играет, всё радуется. Я люблю и верю, что любим! Саррочка, каждый раз, чем выше я взвиваюсь в своём полётё, тем больше счастлив я, тем больше верую в себя, и верь мне, когда увижу я тебя счастливой, я дважды счастливее буду! Дальше я боюсь писать, как бы не начать кощунствовать и уйти от реальной жизни, а счастье надо чувствовать на земле. Я хочу его видеть и ощущать уже сейчас. Я спешу, тороплюсь закончить это моё письмо и скорее передать его тебе, а ведь до пяти часов ещё так долго ждать и... Нет, этого не может быть! Не поверю никому! Ты должна быть такой, какой я вижу и чувствую тебя. Я не пишу письма, я беседую с тобой и ты рядом, вот здесь, слева на диване и качаешь головой! Ты тоже так мыслишь, как я, ты тоже хочешь, чтобы мы любили друг друга и были счастливы. Саррочка, я слышу «Да»! Целую.

Твой Марк

P.S. Саррочка, глупенькая моя девочка, я всю тебя хочу и жду тот миг, когда смогу сказать: «Я твой, а ты моя!» Люблю,

Марк

*Саррочка, я счастлив!
И счастлив буду я вдвойне,
Когда подняв бокал вина
На вечере у вас сегодня,
Мы провозгласим о счастье нашем!
Пусть радость наша возрадует сердца
Нам близких и родных.
И с нами пусть бокал поднимут
За радость нашу, за счастье впереди!
Нам новый путь не страшен!
Нас жизнь закалила.
Любовь нам силу даст!
Победу мы одержим!
Фортуна улыбнулась мне
И терний на моем пути забыт.
Но тернистый мой путь
Дал силу мне
В борьбе за счастье сильным быть.*

Марк »

Я была очень послушная дочь своих родителей. Мама моя

была очень строгая, а я очень мягкая, и поэтому у нас произошёл эпизод, из-за которого я могла потерять своё счастье в жизни. Мама всегда требовала, чтобы я приходила домой не позже 12 часов ночи. Как-то я была с Марком на вечере, уже будучи невестой, и пришла, конечно, позже 12-ти. Утром мама устроила мне скандал: «Он ещё в наш дом не вошёл, а уже нарушает мои требования! Чтоб он не смел больше появляться в доме!»

А Марк должен был вот-вот прийти к нам. Тогда я сказала моей сестре Вале: «Выйди на улицу, встретить Марка и скажи ему, чтоб он больше не приходил к нам». Вале было тогда около 14 лет. Она очень привязалась к Марку, полюбила его и относилась к нему с большим уважением. Это отношение она сохранила до конца жизни. Марк всегда относился к Вале с большим вниманием, помогал ей делать уроки, терпеливо объяснял ей всё непонятное и любил её, как свою родную сестру. Услышав то, что я ей сказала, она встала перед мамой на колени и со слезами стала её умолять не выгонять Марка, и мама уступила.

Когда я дала Марку согласие на наш брак, он решил официально просить моей руки. И вот в один из вечеров он так и сделал. И хотя я была ещё молодая девушка, а не умудрённая жизнью женщина, я помню, что на меня этот разговор произвёл неприятное впечатление, потому что мама учинила Марку «допрос»: «А не были ли вы женаты? А не платите ли вы алименты?» и так далее. И он терпеливо и спокойно отвечал на такие вопросы. А потом, когда родители дали согласие, он спросил: «Разрешите называть вас мама и папа?» Но мама ответила: «Ну зачем же? У вас ведь есть мама. Вот папы у вас нет, так называйте М.С. папой». Это тоже был, на мой даже тогдашний взгляд, неправильный ответ. Я считаю, что это большая честь или признак большого уважения, если невестка или зять называют тещу или свекровь «мамой». Сейчас это довольно редкое явление, но в те годы ещё было принято.

Несмотря на такой ответ, Марк с того дня всё равно стал называть моих родителей «мамой и папой» и всю жизнь относился к ним, как родной сын, а не как зять.

И мне, соответственно, пришлось маму Марка тоже называть «мамой». Но она была такая хорошая свекровь, что мне это было нетрудно, хотя до замужества я даже не могла представить, как это можно называть чужую женщину мамой. Но о ней я ещё буду писать в дальнейшем более подробно. Она это вполне заслужила. Когда я уже была замужем, я спросила маму, почему

она так разговаривала с Марком, когда он просил моей руки. Она ответила, что, конечно, была не права, но у неё ещё не было опыта, она впервые выдавала дочь замуж.

Наша свадьба была назначена на 29 апреля, и я сейчас объясню почему. Я выбрала это число, хотя обычно свадьбы все устраивали 1-го мая, то есть на майские праздники. Но мне казалось, что выходить замуж в мае – плохая примета, будешь всю жизнь маяться. А в 1937 г. 1-ое мая выпало на понедельник, воскресенье же – 30 апреля было просто выходной день. Тогда ещё был только один, а не два выходных дня. Но и 30 апреля мне тоже не хотелось устраивать свадьбу, я подумала, что обычно все свадьбы длятся целую ночь, а значит, всё равно наступит май. Потому и решила, что наша свадьба должна состояться в субботу, 29 апреля.

Свадьбу решили отпраздновать в нашей двухкомнатной квартире в Кузнечном переулке. Присутствовало 50 человек родных и друзей. За несколько дней до 29 апреля мама с несколькими помощницами, кажется, с кем-то из её сестёр и друзей, начали готовить свадебный стол. Меня же с Марком отправили погулять, и мама говорит: «Зайдите по пути в ЗАГС, (отдел записей актов гражданского состояния) и зарегистрируйтесь, а то перед майскими праздниками там может быть очередь».

Тогда ещё не отмечали так торжественно свадьбы, как теперь, к сожалению. И вот, выйдя на Невский проспект, мы зашли в наш районный ЗАГС, который находился в помещении бывшего дворца. Работница этого учреждения спросила, что нам нужно. Мы ответили, что хотим зарегистрировать брак. «Подождите, – сказала она, – пока я закончу оформление документов на покойника».

Приятно, не правда ли? Мы подождали. Закончив своё дело, она вызвала нас и зарегистрировала наш брак, даже не поздравив нас. Так что по документам мы поженились 26 апреля 1937 года. Затем мы вышли на Невский. Был чудный тёплый солнечный день, и мы пошли в сторону Адмиралтейства. В районе ДЛТ (Дом ленинградской торговли) встретили брата Марка, Сеню, на велосипеде. На его вопрос, откуда мы идём, мы ответили, что из ЗАГСА, что мы только что зарегистрировали наш брак. Он нас поздравил и предложил поехать к ним на Лесной проспект, что мы и сделали. Надо сказать, это был мой первый визит домой к Марку.

Потом он меня проводил домой, а сам вернулся обратно на

Лесной. Свадьба же наша состоялась, как я уже писала, 29 апреля. Гостей было 50 человек – родственников и, в основном, друзей родителей. Для молодёжи, то есть наших друзей, уже не было места, столы были накрыты в двух комнатах родительской квартиры, а они были небольшие. Для жениха и невесты был поставлен маленький столик в дверном проёме между комнатами, чтобы никому не было обидно. Не помню даже, кто же предложил сделать «хупу» по еврейскому обряду. Мы не возражали. Папа пошёл в синагогу и пригласил к нам домой раввинов, которые и сделали всё соответственно обряду. Но этому предшествовал довольно неприятный для меня эпизод.

В 1937 году в Ленинграде устроить «хупу» было не так-то просто, это было чревато неприятностями, хотя мы и не были членами коммунистической партии. И моя мама сказала раввинам, что жених – член партии, и поэтому нужно быстро всё сделать и, попросту говоря, удалиться. Но когда они пришли, родных Марка ещё не было, а без них неудобно было начинать. И я в сердцах сказала Марку: «Какое безобразие! Уже давно прошло назначенное время, а твоих родных ещё нет!» На это он ответил мне серьёзным «медным» голосом: «Доличка, я прошу тебя никогда не говорить в таком тоне о моих родных!» Я ничего не ответила, но в этот момент у меня промелькнула мысль: «А может быть прервать всю процедуру, и никакой свадьбы не будет? Ведь он ещё не муж, а уже так со мной разговаривает!»

Тем более, что все мои подружки и кузины пугали меня: «Как ты не боишься выходить замуж в такую большую семью? Ведь все будут вмешиваться в вашу жизнь и могут её испортить!» На что я отвечала, что это даже интересно – иметь такую большую семью. Тогда все были молодые, здоровые, веселые, доброжелательные и, надо сказать, я вошла в семью полностью с первого дня. Пользовалась всеобщей любовью, уважением, доверием. И никогда никто не вмешивался в наши дела, никто никогда не только не оскорбил меня, но и ни одного дурного слова не сказал мне.

А в тот момент перед «хупой» я сдержалась, ничего не ответила. Вскоре они все пришли, и был проведен обряд венчания. Всё было настолько трогательно, что я даже заплакала. Но плакала я от умиления перед папой и благодарности ему за то, что он не дал мне в жизни почувствовать, что он мне не родной отец. В то время никто об этом не знал, кроме родственников.

Ещё интересный момент был на нашей свадьбе. Когда пришли все Бекеры, то моя мама, увидев Олю, сестру Марка, спро-

сила его: «А это ещё что за «шикса» (русская)?» Она знала, что у двух его братьев жены русские – у Сени и у Саши. Он ответил: «Мама, это же моя сестра!» Оля действительно была очень похожа на русскую девушку. И ещё интересно, что на нашей свадьбе были две беременные молодые женщины: жена младшего брата Марка, Саши – Валя – на 6-ом месяце (в сентябре родила сына Жоржа), и моя кузина Таня – дочка тёти Сони (тоже в сентябре родила сына Эдика).

На свадьбу приехал старший брат Марка Аркадий с женой Кетти, которые зарегистрировали брак в один день с нами в Москве и приехали в Ленинград. Это тоже было очень приятное событие.

На свадьбе было весело и непринужденно, все веселились до утра. В тот день Марк остался ночевать на правах мужа. А 1-го мая мы всей семьей поехали в гости к кузине Тане с мужем Иосифом, которые отмечали 6-ю годовщину свадьбы. На следующий день мы с Марком, Аркадий с Кетти, Сеня с Любой (третий брат с женой) и моя сестра Валя поехали на прогулку в Пушкино, где очень хорошо провели день, и у нас в альбоме есть фотография, снятая там.

Wedding photo. 4.26.1937. Leningrad, Russia.

**Arkadiy, Senya and Mark with wives
in Pushkin – Leningrad (St-Petersburg).**

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЗАМУЖЕСТВА

Сейчас я буду писать о Марке, о нашей совместной жизни и о всей семье Беккер, которую очень люблю и ценю.

Через 18 дней после свадьбы Марка призвали в армию на сборы офицеров на два месяца. В дальнейшем вплоть до самой войны его каждое лето призывали на такие сборы, но через 18 дней после свадьбы разлука показалась очень тяжелой. Он, конечно, старался получить увольнительную, иногда удирал самовольно домой, чтобы только быть вместе. Приезжал он, конечно, в военной форме, в кирзовых сапогах и не имел права переодеться в штатское. Но для меня это не имело значения. А мама мне часто говорила: «И тебе не стыдно выйти с ним на улицу, когда он в таком виде?» Меня это очень обижало, и я отвечала: «Мама, это ведь мой муж, и в любом виде он мне дорог, и мне с ним не стыдно».

Первые годы нашей совместной жизни мама его не любила, хотя Марк прекрасно относился к моим родственникам. А не любила она его из-за его маленького роста. Ей всю жизнь нравились высокие мужчины. Но у Марка совершенно необыкновенный характер. Мама говорила о нём: «Марк всё видит сквозь розовые очки, а деньги – сквозь пальцы». Это было действительно так. Он всю жизнь был и остаётся большим оптимистом, широкой натурой. Хотя с возрастом стал немного более критично относиться к людям. Что же касается денег, то если иногда я в молодости упрекала его в излишних тратах, он отвечал: «Но ведь если я стану более экономным, то это же в первую очередь отразится на тебе». И, по-видимому, это правильно.

А так я прожила всю жизнь с мужем, и на тему о трате денег у нас никогда не было разговора. Я всегда была хозяйкой в доме во всём: делала, что хотела, и тратила – как и на что хотела. Могла всё делать, даже не советуясь с мужем, но никогда не пользовалась этой возможностью. Наоборот, всегда советовалась с ним о том, что мне хочется приобрести, что хотелось бы иметь, и он тут же, не задумываясь, загорался и говорил: «Раз тебе хочется, нужно купить!» Но так как хозяйство вела я, и деньгами и всеми расходами ведала я, то мне, конечно, было виднее, можем ли мы в данный момент себе это позволить.

Иногда бывало даже так, что я считала невозможным приобрести желаемую вещь, а Марк, поняв, что мне хочется её иметь, изыскивал возможности и покупал её мне. Мама мне иногда говорила, что «под мужем нужно иметь свои деньги». Это обычай

старого времени, когда мужья выдавали женам ежедневно на расходы по дому деньги, а в нашей семье этого никогда не было, и мне незачем было иметь деньги под мужем. Так я маме и отвечала. У нас было наоборот – я была более расчетливая и экономная, чем Марк. Он иногда покупал что-то в дом и старался назвать цену дешевле истинной стоимости покупки, чтобы доставить мне этим удовольствие. А вообще, Марк был очень щедрым ко всем родным и знакомым. И я даже иногда ему говорила: «Если бы и я была такая же, то ты бы, наверное, не только штанов не имел, но и трусов!»

Я вела дом по-хозяйски, несмотря на то, что не всегда был в семье достаток, разные были времена в материальном отношении. Были годы получше, а бывало и похуже. Но в доме всегда было всё прилично, было чем угостить гостя.

Первый год после замужества был довольно тяжелым, и не потому, что трудно притереться друг к другу, а потому что вынуждены были жить вместе с моими родителями. В общем-то, это безразлично, с кем бы ни жили, нам было бы трудно, как любой молодой семье. Теперь я очень хорошо понимаю, что каждая семья, молодая или старая, должна жить отдельно, совместное проживание только приводит к разрушению семей. Как я теперь вижу, живя в Америке, все семьи живут отдельно, и это очень правильно. И только такая огромная и богатая страна, как Советский Союз, могла допустить такое варварство в полном смысле этого слова, как совместное проживание по несколько семей не только в одной коммунальной квартире, но и по несколько поколений в одной комнате. Мне известны случаи, когда в одной комнате жили отец, мать, дочь и сын. Дети вырастали, женились и выходили замуж, рожали детей и продолжали еще долгие годы жить в той же комнате, даже когда внуки становились взрослыми. Квартиру получить в Союзе, несмотря на большое строительство, было очень трудно. Поэтому я всегда приветствую возможность каждой семье, каждому, даже одинокому человеку, жить в отдельной квартире, хоть они и дорого стоят.

Но мы с Марком были уже смолоду сильны духом и чувствовали даже в начале совместной жизни большую силу в нашей маленькой ещё тогда семье. Хотя первый год остался в памяти как один из наиболее тяжелых, но мы выстояли и вышли победителями в труднейших ситуациях. И я считаю, что все так благополучно кончилось благодаря оптимизму и покладистости Марка, нашему большому и глубокому чувству и моей стойкости.

А ведь мне было, может быть, даже труднее, чем Марку, я очутилась меж двух огней: с одной стороны, чувства к мужу, а с другой – к родителям. В основном, конечно, к маме, потому что папа вообще ни во что не вмешивался. После свадьбы с наступлением лета родители с сестрой Валей уехали на дачу под г.Боровичи, а мы с Марком остались дома и начали вести сами хозяйство. Готовить мы не умели, поваренных книг тогда не было, мы стали готовить на глаз и по памяти, как делали мамы. Но мы всё это делали с шутками, юмором и не сердясь друг на друга. Марк мне, например, сказал, что он в студенческие годы был в комиссии по наблюдению за пищеблоком, то есть столовой, и поэтому он, мол, умеет готовить. Но это, конечно, был только разговор. Он так же не умел готовить, как и я. Но мы не делали из этого трагедии, всё превращали в шутку. Когда мы поженились, Марк уволился и стал подыскивать новую работу. Когда он нашёл её, то оклад сначала был довольно низкий, а я в то время уже была конструктором первой категории, и моя зарплата была выше его. Но никогда у нас не было разговоров на эту тему. Никаких упреков, никаких дебатов. И так всю жизнь – тема денег не имела в семье никакого значения. Больше или меньше кто-то из нас двоих зарабатывал – мы относились друг к другу с одинаковым уважением и любовью.

Но Марк – натура широкая. Желая доставить мне удовольствие, получив зарплату, приходил всегда с цветами, тортом, подарочной коробкой духов, одеколону и прочим. Всегда счастливый и довольный. И я, конечно, радовалась вместе с ним. Но когда об этом узнала мама, она заметила: «Это всё очень приятно, но зарплату он тебе тоже отдаёт?» На что я с недоумением ответила: «Нет». «А как же вы собираетесь жить? Ведь одними тортами и цветами сыты не будете!» – сказала мама. Я поняла, что это действительно так, и сумела очень деликатно довести эту мысль до мужа так, чтобы не обидеть его. После этого он стал приносить зарплату даже вместе с расчётным листком, хотя мне это было ни к чему. Наши отношения крепили с каждым днём, хотя часто омрачались по независящим от нас причинам. Мы спали на узкой односпальной кровати в общей столовой. Мы никогда не могли остаться наедине, а нам так хотелось почувствовать себя уже отдельной семьёй. Но это было невозможно из-за совместного проживания с родителями. А самое главное – наша любовь, наши чувства крепили день ото дня, и ничто не могло их разрушить. Не могу сказать, что, выходя замуж за Марка, была

влюблена. Пожалуй, больше умом, чем сердцем, чувствовала, что он будет мне хорошим мужем, и я, конечно, не ошиблась. Но зато после свадьбы с каждым днём любила его всё больше и больше, потому что ощущала с его стороны такую глубокую любовь, нежность, внимание и такое заботливое отношение ко мне, что это не могло не вызвать у меня ответных чувств.

Одно время, чтобы почувствовать себя самостоятельными, мы начали ходить в еврейскую столовую на Невском проспекте. Потом Марк предложил переехать к его маме на Лесной проспект, но в той двухкомнатной квартире жили ещё две сестры и два брата Марка, причём один с женой в общей комнате, в отгороженном простынями углу.

Затем возникла идея завербоваться на Дальний Восток. Но, в конце концов, мы договорились с родителями обменять их двухкомнатную квартиру на трёхкомнатную, чтобы мы таким образом получили отдельную комнату. И начались поиски, в результате которых Марк узнал, что на Лесном проспекте, в одном из корпусов, где жили его родные, есть отдельная трёхкомнатная квартира, хозяйка умерла, остались муж и сын от первого брака. А поскольку сын был музыкант и работал в центре города, ему приходилось поздно возвращаться домой. Ему нужно было жилье в центре, он хотел обменять квартиру с Лесного проспекта на нашу в Кузнечном переулке, напротив рынка, в доме № 6, недалеко от Владимирской площади и от Невского проспекта.

Наша квартира была в бельэтаже над холодными сараями, окна выходили во двор, на сарайчики. Так что она была тёмная, холодная, с печным отоплением и не солнечная. Я помню, что даже летом спала под ватным одеялом и с подушкой на ногах. Единственное ее преимущество – центр. Квартира на Лесном была, конечно, далеко от центра, но все комнаты изолированы, то есть имели отдельный выход в коридор, окна на солнечную сторону, паровое отопление, а в одной даже был балкон. Находилась она на 4-ом этаже. Мы еле уговорили маму согласиться на этот вариант. Ей было очень жаль расстаться с центром. Как будто она только и делала, что гуляла по Невскому проспекту. Но когда мама узнала, что владельцы квартиры с Лесного хотят получить доплату в сумме 1500 рублей (старыми деньгами), то она и слушать не хотела об обмене. Тогда это были большие деньги, примерно 3-х месячная моя зарплата. Нам, конечно, очень хотелось иметь отдельную комнату, и мы договорились, что заплатим, но чтобы мама об этом не знала. Так мы и сделали, а маме

сказали, что они согласились на обмен без доплаты. Через 9 месяцев после свадьбы мы переехали в новую квартиру, получив в свое распоряжение отдельную 16-метровую комнату.

Нашему счастью не было предела. К этому времени мы уже постепенно приобрели необходимую мебель, чтобы обставить комнату, занавески, портьеры, ковры и другие вещи. Отремонтировали всю квартиру. Родители получили тоже 16-метровую комнату с балконом и столовую 27 кв. метров, где спала и занималась сестра Валя. Она, конечно, не очень-то была довольна, оказавшись далеко от центра, от друзей и подруг и, кроме того, пришлось поменять школу. Но зато вся наша жизнь сразу пошла по-другому. У каждого появился свой уголок, не вертелись все на одном пяточке и, естественно, отношения в семье изменились к лучшему. Хотя мы и до этого не ссорились, но всё же нам было тяжело, да и родителям, наверно, не легче, и всё из-за проживания двух разных и по возрасту, и по интеллекту, и по мировоззрению семей.

Это ещё раз подтверждает общее мнение, что каждая семья должна жить отдельно. Получив «свое гнездышко», мы стали обставлять его, украшать и улучшать. Каждый выходной день бродили по комиссионным магазинам и подбирали то, что нравилось. Иногда не было денег, но если попадалось что-нибудь интересное, одалживали деньги у мамы до получки. Марк всё умел делать дома, и каждая мелочь, сделанная своими руками, все, что исправил, повесил, починил, доставляло большое удовольствие. Наша комната по тем временам, когда всё было трудно купить, а нужно было «доставать», стала приятным уголком.

Все родные и друзья с большим удовольствием приходили к нам в гости. В доме всегда было чем угостить друзей. А кроме того, всем доставляло удовольствие наши тёплые отношения между собой, полные любви, нежности и ласки. Мы с Марком были очень счастливы, здоровы, молоды, и вся жизнь была впереди.

Переехав на Лесной проспект, я перешла на телефонный завод «Красная заря» конструктором в отдел главного технолога. Теперь работа была ближе к дому, и не нужно было тратить много времени на дорогу.

Марк тоже перешёл на другую, более интересную работу и лучше оплачиваемую. Вообще-то, в то время я обратила внимание на непостоянство в его характере, что было полной противоположностью моему. Он буквально через каждые 3-4 месяца ме-

нял работу, говоря, что ему неинтересно и скучно становится, когда он узнаёт уже всё содержание работы. А надо сказать, что в Советском Союзе это порицалось, и таких людей называли «летунами». Я так долго убеждала в этом Марка, что, в конце концов, «перевоспитала» его, повторяя: «Если ты такой непостоянный, и тебе так быстро надоедает работать на одном месте, то как же ты собираешься жить с одной женой? Наверное, тогда тебе и жена скоро надоест – придётся тоже менять?»

Но как показали долгие совместно прожитые годы, всё, что касается меня, у него было постоянно – чувства, отношения, заведенные смолоду привычки вошли в нашу жизнь неизменными и незыблемыми. Я по натуре как раз консерватор, не любила менять работу, друзей, привычки, переезжать, менять местами мебель и так далее. Хотя, по-видимому, всё это было в разумной мере, потому что в жизни всё приходилось менять и не однажды, и даже не только города, но и страны. Мне довольно тяжело решиться, но, приняв решение, я всё делаю спокойно, без нервозности и систематически. И, кроме того, у меня, по-видимому, хорошо развита интуиция, которая не однажды в жизни спасала меня и мою семью от смерти.

И хотя я не верующая, но в таких случаях мне всегда казалось, что это перст Божий или знамение Божие подсказывает правильное решение. Первое такое правильное решение было – выйти замуж за Марка. Как я уже писала, в то время интуиции было больше, чем любви, а ещё о двух случаях напишу позднее, когда дойду до соответствующего времени.

В довоенное время в Советском Союзе не хватало электроэнергии, несмотря на то, что строили и строили электростанции. Электричество же так приходилось экономить, что даже ввели разные выходные дни на предприятиях. Это значит, что в то время не было общего выходного дня для всех работающих, а каждое предприятие имело свой один выходной день. И если в семье было несколько работающих, получалось, что отдыхали они в разные дни. Вот и в нашей маленькой тогда семье я отдыхала в среду, а Марк – в субботу. Мы фактически не могли строить личных планов, как это делают теперь. В свой выходной день Марк встречал меня после работы. При расставании и встрече всегда целовал меня, так же как и при пробуждении утром и прощании на ночь, после еды и в других случаях. Вообще, мы были большие «целовальщики», и остались такими же и сейчас. Просто нам обоим это доставляет удовольствие. Даже сейчас через 46

лет нашей совместной жизни Марк ежедневно, застёгивая мне бюстгальтер (мне это после операции трудно самой сделать) целует мне плечо, а я его благодарю и за то, что он помог мне, и за поцелуй, который мне приятен. А кроме того, это лишний раз подтверждает, что нам в нашем возрасте не безразличны сексуальные удовольствия. А раз мы всё чувствуем, значит, мы ещё живём, нам ничто не безразлично, и это нас радует.

Первый год после женитьбы – 29-го числа каждого месяца – к нам приходили гости, родственники и друзья, чтобы отметить ещё один прожитый совместно месяц. И у нас бывало такое же веселье, как на свадьбе. Только однажды 29 числа мы с Марком ушли из дома в ресторан, так как нам хотелось побыть вдвоём. Но гости всё равно пришли, и их принимали родители. Вале было 14 лет. Ей всё, что касалось нашей жизни, было интересно. Тем более, что она очень полюбила Марка и привязалась к нему. Уже не я, а он стал для неё авторитетом во всех интересующих её вопросах. Он помогал ей в занятиях. Её школьных подруг тоже интересовало всё, что касалось нас, молодоженов. В самом начале нашей семейной жизни я сказала Марку, что не хочу иметь детей. На его вопрос: «Вообще или сейчас?», я ответила: «Сейчас». Марк сделал всё, чтобы я не забеременела, и всю жизнь очень берег меня, чтобы я не калечила своё здоровье. А не хотела я иметь детей потому, что мы были знакомы с ним всего два месяца, и было ещё не ясно, сумеем ли мы ужиться, так как я всегда все свои действия тщательно обдумывала, то я про себя решила, что сначала надо пожить вместе какое-то время, и только, когда мы убедимся, что наша семья крепкая, и семейная жизнь стабильная, тогда можно «обзаводиться» детьми. В случае же, если жизнь не сложится, и мы разойдемся, не хотелось бы, чтобы страдал ребенок.

Но люди привыкли, что у молодой пары через год обычно рождался ребёнок, и многие про себя удивлялись тому, что у нас это не так. И по этому поводу друг семьи Беккеров Сергей Ачик как-то пошутил, сказав: «Марк, может быть тебе помочь?». Но весь юмор-то был в том, что у Сергея и Сони, его первой жены, детей не было в то время и позже тоже, и он даже, по-моему, по этой причине разошелся с ней после войны и женился на вдове своего погибшего на фронте брата Нине, оставшейся с мальчиком, и она то родила Сергею дочь Аллу.

А мы, будучи свободными от детей, оба много работали. Марк приносил мне из своего учреждения, где он работал на-

чальником технического отдела, конструкторскую работу, которую я делала вечерами и получала дополнительную оплату. Нам тогда всё нужно было приобрести для нашего быта, чтобы обставить свою комнату, да и Марку нужна была разная одежда, потому что у него, кроме двух приличных костюмов, ничего не было. Мы купили ему в первую очередь хорошее зимнее пальто с шалевым котиковым воротником, такую же зимнюю шапку, демисезонное пальто и всякие другие необходимые вещи. Я же была одета прилично, и в первые три года нашей совместной жизни мы для меня ничего не покупали. Но поскольку сразу после замужества я начала поправляться, то все мои вещи постепенно становились мне узкими, и тогда мы купили или, вернее, «достали» в разных местах очень красивые четыре отреза материи на платье, и я пошила из них очень красивые платья у хорошей портнихи, бывшей рижанки.

Надо сказать, что за первые три года замужества я поправилась на 13 кг. Стала, как пышечка, крепкая и налитая, ущипнуть меня нельзя было. Мы наслаждались жизнью, любили друг друга. Летом 1939 и 1940 года ездили вместе летом в отпуск в Крым и на Кавказ, жили в своё удовольствие. Родственники Марка все очень хорошо ко мне относились, и всегда все называли меня только ласкательно «Саррочка».

Первый год, когда мы ещё жили на Кузнечном переулке, я завела обычай каждое воскресенье днём приезжать на Лесной, к маме в гости. Приезжали не только мы, но и все сестры и братья Марка, и мама устраивала обед с помощью Цили, молодой девушки, дальней родственницы, сироты, которая жила много лет у них в доме и делала всё по хозяйству. Перед войной мама выдала её замуж за человека постарше, и она переехала к нему. Мы даже были у нее в гостях.